

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Смертельный
ХОЛОД

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Луиза Пенни
Смертельный холод
Серия «Старший
инспектор Гамаш», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885091

Смертельный холод: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб.; 2015

ISBN 978-5-389-09354-6

Аннотация

Роман «Смертельный холод» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

В деревне Три Сосны, что к югу от Монреаля, произошло невероятное убийство. Смерть настигла Сесилию де Пуатье на заснеженной поверхности замерзшего озера, где она вместе с другими болельщиками наблюдала за матчем по кёрлингу, а орудием убийства стал металлический стул, подсоединенный к источнику тока. Кто-то тщательно продумал и спланировал убийство, не оставив жертве ни малейшего шанса. Старшему инспектору Арману Гамашу из полиции Квебека нечасто приходится сталкиваться со столь изощренным и жестоким

преступником. Но чем заслужила эта женщина такую ужасную смерть?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	29
Глава четвертая	45
Глава пятая	61
Глава шестая	68
Глава седьмая	76
Глава восьмая	97
Глава девятая	108
Глава десятая	126
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Луиза Пенни

Смертельный холод

© Г. Крылов, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Посвящается моему брату Дугу и его семье —
Мэри, Брайану, Розлин и Чарлзу,
которые показали мне, что такое
настоящее мужество. Намасте*

Глава первая

Если бы Си-Си де Пуатье знала, что ее убьют, то, наверное, купила бы своему мужу Ришару подарок на Рождество. Наверное, она бы даже съездила на праздник в школу, где училась ее дочка, – в Женскую школу мисс Эдвардс, или «жопскую» школу, как любила говорить Си-Си, поддразнивая свою необъятных размеров дочку. Если бы Си-Си знала, что конец близок, то осталась бы на работе, а не проводила время в самом дешевом номере, какой мог предложить отель «Риц» в Монреале. Но ей было известно лишь об одном конце, находящемся поблизости, и он принадлежал мужчине по имени Сол.

– Ну и что ты думаешь? Тебе нравится?

Она установила книгу на своем белом животе.

Сол уже не в первый раз посмотрел на книгу. В течение нескольких последних дней Си-Си каждые пять минут доставала из своей громадной сумочки эту книгу. На бизнес-встречах, за обедом, во время поездок в такси по заснеженным улицам Монреаля Си-Си вдруг наклонялась и торжественно выпрямлялась, держа в руках свое творение, словно являла миру еще одно непорочное зачатие.

– Мне нравится фотография, – сказал Сол, понимая, что это оскорбляет ее.

Он сам сделал этот снимок. Он знал, что она ждет и да-

же просит от него какого-то поощрения, но больше не желал гладить ее по головке. И еще он спрашивал себя, как долго сможет находиться близ Си-Си де Пуатье, не превращаясь в нее. Не в физическом смысле, конечно. Ей было сорок восемь – на несколько лет меньше, чем ему. Она была стройная, гибкая и в хорошей форме, с невероятно белыми зубами и невероятно светлыми волосами. Прикасаться к ней было все равно что прикасаться к ледяной глыбе. В этом была своеобразная красота и хрупкость, которая казалась ему привлекательной. Однако имелась и опасность. Если Си-Си сломается, расколется, то и его разорвет в клочья.

Но дело было не в ее внешности. Глядя, как она ласкает свою книгу – с большей нежностью, чем когда-либо ласкала его, – он спрашивал себя, не проник ли ее внутренний лед и в него, может быть во время секса, и не замерзает ли он сам теперь изнутри. Он уже и без того не чувствовал своего сердца.

В пятьдесят два Сол Петров только-только начал замечать, что его друзья уже не такие блестящие, не такие умные, не такие стройные, какими были когда-то. Честно говоря, большинство из них начало утомлять его. Да и они, общаясь с ним, случалось, красноречиво позевывали. Они обрастали жирком, лысели, становились скучными. И он подозревал, что такие же трансформации происходят и с ним. Его не очень огорчало, что женщины теперь редко заглядываются на него, или что он начал подумывать, не поменять

ли горные лыжи на беговые, или что семейный врач назначил ему УЗИ простаты. Все это он мог принять. Беспокойло и пробуждало Сола Петрова в два часа ночи другое: тот же голос, что в детстве нашептывал ему, будто под кроватью живут львы, теперь уверенно шептал, что людей от него тоска берет. Сол глубоко дышал темным ночным воздухом, пытаясь убедить себя, что с трудом сдерживаемые зевки его визави за обедом сегодня объяснялись выпитым вином, или *magret de canard*¹, или обволакивающим теплом в монреальском ресторане, куда они явились в своих практичных зимних свитерах.

А ночной голос все продолжал ворчать, предупреждая Сола о подстерегающих его опасностях. О неминуемой катастрофе. О том, что он слишком много говорит, о том, что он перестал быть интересным, о том, что люди вокруг него слишком часто закатывают глаза. О том, что его собеседники украдкой поглядывают на часы, выжидая удобного момента оставить его. О глазах, обводящих комнату в отчаянных поисках более занимательной компании.

И потому он позволил Си-Си соблазнить его. Соблазнить и проглотить, и, таким образом, лев из-под кровати переместился в постель. Сол начал подозревать, что эта поглощенная собой женщина наконец проглотила себя целиком, проглотила своего мужа и даже свою кошмарную дочурку, а теперь принялась поглощать и его.

¹ Утиной грудкой (*фр.*).

В ее обществе он уже стал жестоким. Начал презирать себя. Но не с такой силой, с какой презирал ее.

– Это блестящая книга, – сказала Си-Си, игнорируя его. – Нет, правда. Кто от такого откажется? – Она помахала книгой перед его лицом. – Люди ее просто глотать будут. Вокруг столько людей с расстроенной психикой. – Она и в самом деле повернулась и уставилась через окно их номера на стоящее напротив здание, словно высматривая «своих» людей. – Я сделала это ради них. – И она взглянула на Сола широко раскрытыми, искренними глазами.

«Неужели она верит в это?» – спросил он себя.

Он, конечно же, прочел ее книгу. «Клеймите беспокойство» – так она ее назвала, как и компанию, созданную несколько лет назад, и название это звучало как насмешка над самой Си-Си, которая была настоящим комком нервов. Не знающие покоя руки, постоянно что-нибудь разглаживающие и распрямляющие. Короткие резкие ответы, нетерпение, часто переходящее во вспышку ярости.

Хотя Си-Си де Пуатье и имела безмятежную, словно замороженную внешность, вряд ли слово «спокойствие» могло у кого-то ассоциироваться с нею.

Она предлагала свою книгу всем подряд, начиная с ведущих нью-йоркских издательских домов и кончая печатниками почтовых открыток в захолустной деревеньке Сент-Поликарп на шоссе между Торонто и Монреалем.

Все они отвечали отказом, сразу распознавая в рукописи

беспомощную мешанину из смешных доморощенных философствований в обертке из недопеченных буддистских и индуистских учений, извергнутую женщиной, которая, судя по фотографии на обложке, поедает своих детей.

– Какое тут, к черту, просветительство, – сказала Си-Си Солу в своем монреальском офисе в тот день, когда получила пачку очередных отказов. Она разорвала их в клочья и бросила на пол: пусть уборщица подметает. – Я тебе говорю, мы живем в каком-то вывернутом наизнанку мире. Люди жестоки и бесчувственны, они живут, чтобы обманывать друг друга. Ни любви, ни сострадания не существует. А вот это, – она разрежала воздух своей книгой, словно молотом из древних мифов, направленным на беспощадную наковальню, – это научит людей быть счастливыми.

Слова, произнесенные низким голосом, были насыщены злобой. Она решила издать книгу за собственные деньги, причем так, чтобы та вышла перед Рождеством. И хотя в книге было много рассуждений о свете, Солу показался любопытным и исполненным иронии тот факт, что в свет эта книжонка вышла перед зимним солнцестоянием. Перед самым темным днем года.

– Как, ты говоришь, называется издательство? – не смог удержаться он. – Ах да, вспомнил. Никто не хотел ее печатать. Наверно, это было ужасно. – Он задумался на мгновение, не зная, повернуть ли нож в ране или нет. Да ладно, чего церемониться. – Ну и что ты при этом чувствовала?

Ему показалось или она действительно поморщилась?

Но ее молчание красноречиво продолжалось, на лице застыло бесстрастное выражение. Всего того, что не нравилось Си-Си, просто не существовало. Включая ее мужа и ее дочь. Включая все неприятные вещи, любую критику, любые резкие слова (если они не были сказаны ею самой), любые эмоции. Сол знал, что Си-Си живет в своем собственном мире, где она идеальна, где она может скрывать свои чувства и неудачи.

Сколько еще нужно времени, чтобы этот мир взорвался? Сол надеялся, что будет поблизости и увидит, как это происходит. Поблизости, но на безопасном расстоянии.

Она сказала, что люди жестоки и бесчувственны. Жестоки и бесчувственны. Не так давно он заключил с ней фрилансерский контракт как ее фотограф и любовник, и тогда ему казалось, что этот мир – прекрасное место. Каждое утро он просыпался рано и начинал новый день в новом мире, где не было ничего невозможного, и он видел, как прекрасен Монреаль. Он видел, как люди улыбаются друг другу, заказывая капучино в кафе, покупая свежие цветы или французские длинные батоны. Он видел, как дети собирают упавшие каштаны, привязывают к ним веревочки и играют. Он видел, как пожилые дамы прогуливаются по Мейну.

Он не был слеп или глуп – он замечал бездомных мужчин и женщин, замечал избитые лица в синяках, говорящие о долгой пустой ночи и еще более долгим дне впереди.

Но в глубине души он верил, что мир – прекрасное место. И его фотографии отражали это, они улавливали свет, блеск, надежду. И тень, которая неизбежно бросала вызов свету.

По иронии судьбы именно это качество и привлекло внимание Си-Си и навело ее на мысль предложить ему контракт. Статья в одном журнале, написанная в типично монреальском стиле, говорила о нем как о «крутом» журналисте, а Си-Си всегда хотела иметь только лучшее. Вот поэтому они всегда снимали номер в «Рице». Тесный жуткий номер на одном из нижних этажей без вида из окна и без шарма, но все же – «Риц». Даже шампуни и канцелярские принадлежности Си-Си выбирала так, чтобы подтвердить свою репутацию, и по той же причине она выбрала его, Сола. Она использовала все это – и даже его, Сола, – чтобы доказать что-то непонятное людям, которым было все равно. По прошествии какого-то времени все это выбрасывалось. Как был отброшен в сторону ее муж, как игнорировалась и высмеивалась ее дочь.

Мир был жестоким и бесчувственным местом.

И теперь Сол верил в это.

Он ненавидел Си-Си де Пуатье.

Сол встал с кровати, оставив Си-Си разглядывать ее книгу, ее истинного любовника. Он посмотрел на нее – она то расплывалась перед его глазами, то снова обретала четкость. Он наклонил голову к плечу, подумав, что, наверное, опять выпил слишком много. Но ее очертания снова стали размазанными, а потом снова резкими, словно он смотрел сквозь

призму на двух разных женщин: одну – красивую, гламурную, жизнерадостную, и другую – жалкую крашеную блондинку, сплошной комок нервов, ошестинившуюся и грубую. И опасную.

– Это что? – спросил Сол.

Из корзинки с мусором он извлек папку. Ее назначение было очевидным – портфолио художника. Оно было красиво и тщательно переплетено и напечатано на специальной пухлой бумаге. Сол открыл портфолио – и у него перехватило дыхание.

Внутри находилась серия работ, наполненных светом, словно излучающих сияние с великолепной бумаги. У Сола защемило в груди. На картинах был изображен прекрасный и в то же время уязвленный мир. Но по большей части это был мир, в котором все еще существовали надежда и утешение. Художник явно видел этот мир каждый день, жил в нем. Как и Сол, когда-то живший в мире света и надежды.

Работы казались простыми, но на самом деле были очень сложными. Изображения и цвета наслаивались один на другой. Для достижения желаемого эффекта, видимо, было потрачено немало часов и дней.

Сол взгляделся в одну из этих работ. Величественное дерево, воспарявшее в небеса, словно устремлялось к солнцу. Художник сфотографировал его и каким-то образом сумел передать ощущение движения, но так, что зритель при этом не оказывался дезориентированным. Нет, работа была

изящная, успокаивающая и, самое главное, сильная. Кончики ветвей как будто растворялись или становились нечеткими, словно даже в их уверенности и целеустремленности была крохотная доля сомнения. Это было блестяще.

Все его мысли о Си-Си были забыты. Сол забрался на дерево, чуть ли не ощущая его грубую кору на ладонях; он словно опять сидел на коленях у бабушки и прижимался к его небритому лицу. Как художнику это удалось?

Сол не сумел разобрать подпись. Он перелистал остальные страницы и ощутил, как на его замороженном лице медленно появилась улыбка, как его ожесточенное сердце смягчело.

Может быть, если ему удастся избавиться от Си-Си, он вернется к своей работе и будет делать вот такие вещи.

Он выдохнул всю темноту, которая скопилась в нем.

– Так тебе нравится? – Си-Си помахала перед ним своей книгой.

Глава вторая

Кри осторожно надела костюм, стараясь не порвать белый шифон. Рождественские праздники уже начались. Она слышала, как ребята из младших классов распевали: «Его колыбель в яслях вместо крова», хотя ей подозрительно слышалось «корова». Уж не относится ли это к ней? Не смеются ли они все над ней? Она прогнала эту мысль и продолжила одеваться, тихонько напевая себе под нос.

– Кто это? – раздался в переполненной шумной комнате голос мадам Латур, учительницы музыки. – Это кто там напевает?

Лицо мадам, напоминающее яркую птичку, выглянуло из-за угла, за которым Кри изо всех сил старалась одеться без посторонней помощи. Кри инстинктивно попыталась прикрыть костюмом наготу своего полуобнаженного четырнадцатилетнего тела. Конечно, это было невозможно. Слишком большое тело и слишком мало материи.

– Это ты пела?

Кри уставилась на нее, боясь произнести хоть слово. Мать предупреждала ее об этом. Предупреждала, что никогда нельзя петь на публике.

Но сегодня ликующее сердце подвело ее: у нее действительно вырвалось что-то похожее на пение.

Мадам Латур окинула взглядом громадную девочку и по-

чувствовала, что съеденный ею ланч подступил к горлу. Эти жировые валики, эти жуткие ямки, нижнее белье, исчезающее в складках тела. Невыразительное лицо с широко раскрытыми глазами. Учитель-естественник, месье Драпо, говорил, что Кри лучшая в классе, а вот другой учитель сообщал, что в этом триместре одной из тем, которые они проходили, была «Витамины и минералы», и Кри, вероятно, проглотила учебник.

И тем не менее она участвовала в празднике и готова была показать себя во всей красе, хотя для этого нужно было очень сильно постараться.

– Поторопись. Скоро тебе выходить.

Мадам Латур вышла, не дожидаясь ответа. Это был первый рождественский праздник, в котором участвовала Кри за пять лет учебы в Женской школе мисс Эдвардс. Все прошлые годы, когда остальные ученицы готовили себе костюмы, она готовила невнятные извинения. Никто и не пытался переубедить ее. Напротив, ей поручали работать с осветительной аппаратурой, потому что у нее, как говорила мадам Латур, была техническая жилка. А это означало, что для всяких человеческих эмоций жилки у нее нет. Так что за всеми предшествующими рождественскими праздниками Кри наблюдала в одиночестве из темноты, глядя на хорошеньких, сияющих, талантливых девочек, которые танцевали и пели песни о чуде Рождества, купаясь в лучах света, обеспечиваемого Кри.

Но не в этом году.

Она надела костюм и посмотрела на себя в зеркало – оттуда на нее смотрела громадная шифоновая снежинка. Да, призналась она самой себе, это не снежинка, а целый сугроб, но все же это был костюм, и к тому же превосходный. Другим девочкам помогали их матери, но Кри пришлось все делать самой. Чтобы удивить маму, говорила она себе, стараюсь заглушить другой голос.

Присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть крохотные капельки крови на материи: ее пухлые, неловкие пальцы боролись с иголкой и не всегда с нею справлялись. Но она стойко держалась и закончила этот костюм. А потом ее вдруг посетила блестящая идея. Лучшая за всю ее четырнадцатилетнюю жизнь.

Она знала, что ее мать всегда почитала свет. Кри всю жизнь говорили, что именно за это все мы и боремся. Отсюда и название – просвещение. Вот почему об умных людях говорят как о людях ярких. Почему люди делают великие открытия? Потому что на них нисходит просветление.

Все это было так очевидно.

А сегодня Кри будет изображать снежинку. Самое белое и светлое, что только можно себе представить. А если добавить к этому ее собственный блеск? Она сходила в магазин, где все товары стоили по доллару, и на деньги, что ей оставляла мать, купила пузырек блесков. Она даже смогла пройти мимо шоколадного бара, хотя и остановилась поглазеть

перед витриной. Кри вот уже месяц сидела на диете и была уверена, что скоро ее мать заметит это.

С помощью клея она нанесла блески и теперь видела перед собой результаты.

Кри впервые в жизни знала, что она красива. И она знала, что через несколько коротких мгновений ее мать будет думать то же самое.

Клара Морроу взглянула через заиндеветшие окна своей гостиной на деревеньку Три Сосны. Потом она наклонилась и принялась соскребать ледок со стекла. «Теперь, когда у нас появилось немного денег, – подумала она, – наверное, стоило бы поменять окна». Клара понимала, что это было бы разумно, однако большинство ее решений трудно было назвать разумными. Но эти решения отвечали ее образу жизни. И, глядя на снежный мир, какой являли собой Три Сосны, она знала, что ей нравится смотреть на этот мир сквозь причудливый рисунок изморози, оставленный холодом на старом стекле.

Потягивая горячий шоколад, она смотрела на закутанных в теплую одежду жителей, которые прогуливались под неторопливо падающим снегом и приветственно махали друг другу облаченными в варежки руками, а произнесенные ими слова обрамлялись облачками дыхания, словно у персонажей комиксов. Некоторые направлялись в бистро Оливье, чтобы выпить кофе с молоком, другим нужен был свежий

хлеб или *patisserie*² из пекарни Сары. Магазин «Книги Мирны, новые и старые» рядом с бистро сегодня был закрыт. Месье Беливо очистил от снега крыльцо и подходы к своему магазину и помахал Габри, чья громадная впечатляющая фигура двигалась через деревенский луг из маленькой гостиницы на углу. Постороннему человеку жители деревни показались бы безликими, даже бесполоыми. Во время квебекской зимы все люди похожи друг на друга. Все ковыляют, укутанные в теплые одеяния, громадные массы гусяного пуха и «Тинсюлату»³, отчего даже стройные кажутся полными, а полные – толстяками. Все выглядят одинаково. Вот только шапочки у всех разные. Клара видела ярко-зеленый помпон на шапочке Рут – вот он кивнул многоцветной шапочке Уэйна, связанной Нелли долгими осенними вечерами. На детях семейства Левек, гонявших по замерзшему пруду хоккейную шайбу, были шапочки всех оттенков синего; маленькую Розу так трясло в сетке ворот, что даже Клара видела, как дрожит ее бледно-голубая шапочка. Но братья любили ее, а потому каждый раз, мчась к воротам, они изображали падение и вместо хлесткого удара по воротам просто тихонько скользили к ней по льду, так что прорыв заканчивался веселой свалкой. Это напоминало Кларе одну из литографий

² Кондитерские изделия, пирожные (*фр.*).

³ «Тинсюлата» – канадская фирма, специализирующаяся на производстве синтетической термоодежды.

от «Курье энд Айвза»⁴, на которые она часами смотрела в детстве, изнемогая от желания шагнуть за рамку и оказаться среди изображенных персонажей.

Три Сосны были укутаны снежным одеялом. За последние несколько недель выпало около фута снега, и все старые дома вокруг деревенского луга обзавелись шапочками чистейшей белизны. Из труб струился дымок, словно у домов были собственные голоса и дыхание. Ворота и калитки были украшены рождественскими венками. По вечерам тихая деревенька Восточных кантонов сверкала рождественскими украшениями. Взрослые и дети готовились к большому празднику, и от этого по всей деревне стоял тихий гул.

– Может, ее машина не заводится.

В комнату вошел муж Клары Питер. Как и его отец, он был похож на топ-менеджера из списка «Форчун 500»⁵. Но дни свои он проводил, ссутулившись над мольбертом, и его тронутые сединой кудрявые волосы нередко были в масляной краске, потому что он в мучительных подробностях выписывал свои абстрактные творения. Их покупали за тысячи долларов коллекционеры по всему свету, но поскольку работал он медленно, то в год удавалось сделать одну-две картины, а потому они прозябали в вечной бедности. До недавне-

⁴ «Курье энд Айвз» – американская печатная фирма 2-й половины XIX века, специализировавшаяся на изготовлении черно-белых литографий известных художников. Литографии раскрашивались вручную.

⁵ «Форчун 500» – ежегодный список 500 ведущих американских корпораций, публикуемый журналом «Форчун».

го времени. Картины Клары, на которых были изображены воинственные женские матки и тающие деревья, еще не обрели своего покупателя.

– Она приедет, – сказала Клара.

Питер посмотрел на жену своими голубыми дружелюбными глазами: в ее когда-то темных волосах начала пробиваться седина, хотя ей еще не исполнилось и пятидесяти. Фигура ее начала набирать жирок в области талии и бедер, и Клара стала поговаривать, что пора бы ей возобновить посещение фитнес-класса Мадлен. Питер был достаточно опытен, чтобы не отвечать на вопрос, пора ли ей и в самом деле.

– Ты уверена, что я не могу поехать? – спросил он больше из вежливости, чем из действительного желания затиснуться в мышеловку машины Мирны и трястись на ухабах до самого города.

– Конечно не можешь. Рождественские подарки покупаю я. И потом, в машине не хватит места для Мирны, меня, тебя и подарков. Нам пришлось бы оставить тебя в Монреале.

К открытой калитке подъехала крохотная машинка, и из нее вышла громадная черная женщина. Это, вероятно, была самая любимая у Клары часть поездок с Мирной – смотреть, как та садится в машину и выходит из нее. Клара была абсолютно уверена, что Мирна крупнее своей машины. Летом целая толпа собиралась посмотреть, как она затискивается внутрь и при этом платье у нее задирается до самой талии. Но Мирна только смеялась. Зимой все было еще смешнее,

потому что Мирна носила ярко-розовую парку⁶, которая почти в два раза увеличивала ее в размерах.

«Я с островов, детка, – сказала она как-то раз. – Мне холодно».

«Ты с острова Монреаль», – возразила Клара.

«Верно, – со смехом согласилась Мирна. – Только с его южной окраины. Я люблю зиму. Это единственное время года, когда у меня розовая кожа. Что скажешь? Я могла бы сойти?»

«Сойти за кого?»

«За белую?»

«А тебе это надо?»

Мирна посмотрела на лучшую подругу внезапно посерьезневшими глазами и улыбнулась: «Нет. Уже не надо». Похоже, она была довольна и даже немного удивлена собственным ответом.

И вот теперь квебекская зима опять превратила Мирну в белую женщину с пухлым розовым лицом. В нескольких слоях ярких шарфов и алой шапочке с оранжевым помпоном она тяжело вышагивала по вычищенной дорожке к их дому.

Скоро они будут в Монреале. Езды всего ничего – меньше полутора часов даже в снег. Клара с нетерпением ждала дня покупок, но самым главным в ее поездке, в ее любой поездке в Монреаль была ее тайна. Ее секретное удовольствие.

Клара умирала от желания посмотреть витрину «Ожиль-

⁶ Парка – длинная теплая куртка с капюшоном.

ви»⁷. У этого знаменитого монреальского магазина была самая волшебная витрина в мире. В середине ноября огромные окна темнели, их закрывали бумагой. А потом начиналось нетерпеливое ожидание, когда же снимут завесу с этого праздничного чуда. Когда Клара была ребенком, эта витрина интересовала ее больше, чем парад Санта-Клауса. И стоило ей узнать, что темная бумага наконец-то снята, как она неслась в центр города прямо к волшебной витрине.

Вот и она. Клара мчалась к витрине со всех ног, но останавливалась в таком месте, где саму витрину еще не было видно. Она закрывала глаза, брала себя в руки, делала шаг вперед и открывала глаза. И видела ее. Деревню Клары. То место, куда она уедет, когда разочарования и возрастающая жестокость станут неспособны чувствительной маленькой девочке. Зимой ли, летом ли, ей нужно было только закрыть глаза, и она оказывалась там, где медведи танцуют, утки катаются на коньках, а лягушки в викторианских костюмах стоят с удочками на мосту. По ночам, когда упырь ушел, фыр-кал и скреб когтями под полом ее спальни, она крепко закрывала свои маленькие голубые глаза и усилием воли переносилась в волшебную витрину и деревню, где упырь никогда ее не найдет, потому что вход туда сторожит доброта.

А потом в ее жизни свершилось нечто чудесное – чудеснее не бывает. Она влюбилась в Питера Морроу и согласилась

⁷ «Ожилъви» – известный в Монреале магазин, в последнее время специализирующийся на продаже дорогих вещей.

отложить на будущее захват Нью-Йорка. Вместо этого она согласилась переехать в любимую им крохотную деревню к югу от Монреаля. Клара не знала эту область – она ведь была городской девицей, но любовь ее к Питеру была так сильна, что она не колебалась ни минуты.

И вот оно случилось: двадцать шесть лет назад умная и циничная выпускница художественного колледжа вышла из их маленького «фольксвагена» и начала плакать.

Питер привез Клару в заколдованную деревню ее детства. В деревню, о которой она забыла, когда выросла и прониклась важностью своей взрослости. В конечном счете оказалось, что рождественская витрина «Ожильви» настоящая и называется она Три Сосны. Они купили маленький домик у деревенского луга и начали вести в нем жизнь куда более волшебную, чем когда-либо в ее самых смелых мечтах.

Несколько минут спустя, сидя в тепле машины, Клара растегнула парку и уставилась в окно на плывущие мимо заснеженные окрестности. Это Рождество было особенным по причинам одновременно ужасным и замечательным. Ее дорогая подруга и соседка Джейн Нил была убита немногим более года назад, после чего выяснилось, что она завещала Кларе все свои деньги. В предыдущее Рождество Клара чувствовала себя слишком виноватой, чтобы их тратить. Ей казалось, что неприлично быть в выигрыше от смерти Джейн.

Мирна посмотрела на свою подругу, блуждая мыслями вокруг той же темы – смерти дорогой Джейн Нил и того со-

вета, что она, Мирна, дала Кларе после убийства Джейн. Давать советы было для Мирны делом привычным. Прежде она работала психотерапевтом в Монреале, – работала, пока не поняла, что ее клиенты вовсе не хотят выздоравливать. Им требовались только таблетки и заверение, что в их состоянии виноваты вовсе не они.

И Мирна бросила все это. Она загрузила свою маленькую красную машину книгами и одеждой и, покинув остров Монреаль, направилась через мост на юг, в сторону границы со Штатами. Решила посидеть на флоридском берегу и подумать, что ей делать дальше.

Но тут вмешались судьба и чувство голода. Мирна неспешно ехала по живописным проселочным дорогам, наслаждаясь пейзажами, и вдруг всего через час у нее не на шутку разыгрался аппетит. По грунтовой дороге она перевалила через вершину холма и увидела деревню, спрятавшуюся между холмов и лесов. Деревня появилась так неожиданно, что удивленная Мирна остановила машину и вышла. Стояла поздняя весна, и солнце набирало силу. Из-под старой каменной мельницы выбивался ручей и устремлялся к белой церквушке, обитой вагонкой, а потом протекал извиваясь вдоль деревни. Сама деревня имела форму круга, из которого в четырех направлениях уходили грунтовые дороги. В центре располагался деревенский луг, вокруг него стояли старые дома, часть которых была построена на квебекский манер – с крутыми металлическими крышами и узкими

спальнями наверху. Другие здания были обшиты вагонкой и имели широкие открытые веранды. По меньшей мере один дом был построен из плитняка – камня, вывороченного из окружающих полей первопроходцами, спасавшимися от наступающей немилосердной зимы.

На лугу Мирна увидела пруд и три величественные сосны, воспаряющие к небесам.

Мирна вытащила свою карту Квебека. Минуты через две аккуратно сложила ее и удивленно прислонилась к машине. Деревни на карте не было. Карта показывала пункты, исчезнувшие много десятилетий назад. Показывала крохотные рыбацкие деревушки, даже все населенные пункты из двух домиков и часовни.

Но эта деревня на карте отсутствовала.

Мирна посмотрела на местных жителей: кто-то работал в саду, кто-то выгуливал собак, кто-то сидел на скамье у пруда и читал. Наверное, это деревня была своего рода Бригадуном⁸. Являлась раз в сто лет и только тем, кому нужно было ее увидеть. Но Мирна пока еще колебалась. Нет, здесь наверняка нет того, что ей надо. Она уже готова была развернуться и направиться в Уильямсбург, который на карте был, но в последний момент решила рискнуть.

В Трех Соснах нашлось все, что ей было нужно.

⁸ «Бригадун» – музыкальный фильм киностудии «Метро-Голдвин-Майер» (1954, сценарий Алана Джея Лернера), в котором фигурирует таинственная шотландская деревня, появляющаяся всего на один день каждые сто лет.

Здесь продавали круассаны и кофе с молоком. Здесь продавали стейки с картошкой фри и «Нью-Йорк таймс». Здесь были пекарня, бистро, маленькая гостиничка, универмаг. Здесь царили мир, спокойствие и смех. Здесь были великая скорбь и великая печаль и умение принимать и то и другое и довольствоваться этим. Здесь были дружба и доброта.

И здесь обнаружилось пустующее помещение под магазин с жильем наверху. Все это ждало. Ждало ее.

И Мирна обосновалась здесь навсегда.

За час с небольшим Мирна переместилась из мира недо-вольств в мир удовлетворения. И случилось это шесть лет назад. А теперь она продавала своим друзьям старые и новые книги и делилась банальными советами.

«Да бога ради, ты уж либо просрись, либо слезай с горшка, – такой совет дала она Кларе. – Джейн умерла уже несколько месяцев назад. Ты помогла найти ее убийцу. Ты наверняка знаешь: Джейн расстроилась бы, узнав, что ты не получаешь удовольствия от тех денег, которые она тебе оставила. Нужно было оставить их мне. – Мирна в притворном недоумении покачала головой. – Уж я бы знала, что с ними делать. Вмиг самолетом на Ямайку, там пристроиться к какому-нибудь доброму растаману⁹, взять хорошую книгу...»

«Постой, ты хочешь читать книгу вместе с растаманом?»

⁹ *Растаман* – последователь религиозного движения растафарианства, возникшего на Ямайке. Основа растафарианства – любовь к ближнему и отказ от западного общества. Растаманы считают богом императора Эфиопии Хайле Селассие I, носят дреды и курят коноплю.

«Ну да. У каждого свое назначение. Растаман, скажем, хорош, когда затвердеет. А вот с книгой в твердой обложке лучше не иметь дела».

Клара рассмеялась. Они обе не любили книги в твердых переплетах. Не за содержание, а за обложку. Книгу в твердом переплете неудобно держать в руках, в особенности в постели.

«В отличие от растамана», – сказала Мирна.

Так Мирна убедила свою подружку смириться со смертью Джейн и начать тратить деньги, что и собиралась делать Клара в этот день. Наконец-то заднее сиденье будет заполнено тяжелыми разноцветными бумажными пакетами с бечевочными ручками и рельефными названиями магазинов вроде «Холт Ренфру» или «Ожильви». Ни одного желтого пластикового пакета из «Доллар-рамы». Хотя Клара втайне и восторгалась этим магазином.

Питер сидел дома у окна и смотрел на улицу, побуждая себя заняться чем-нибудь конструктивным. Отправиться в студию, сесть за мольберт. Вдруг он заметил, что на одном из окон в изморози образовался просвет в форме сердечка. Он улыбнулся и посмотрел сквозь сердечко на улицу: Три Сосны занимались своими неспешными делами. Потом он поднял взгляд на махину старого дома на холме. Старый дом Хадли. Температура на улице начала падать, и на его глазах сердечко снова стало затягиваться ледком.

Глава третья

– Кто это сделал? – спросил Сол у Си-Си, держа в руках папку.

– Что?

– Вот это. – Он стоял голым в номере отеля. – Я нашел ее в корзинке для мусора. Это чье?

– Мое.

– Это ты сделала?

Он был поражен. На мгновение он даже подумал, что ошибся в ней. В портфолио были работы талантливого художника.

– Нет, конечно. Одна глупенькая личность из деревни дала это мне, чтобы я показала своим друзьям-галеристам. Пыталась подлизаться – это было самое смешное. «Пожалуйста, Си-Си, я знаю, какие у вас связи». «Ах, Си-Си, не могли бы вы показать это кому-нибудь из своих друзей?» Брр. Ты только представь: просить меня об услуге! И еще хватило наглости просить, чтобы я показала это Дени Фортену.

– И что ты ответила? – спросил он с упавшим сердцем, догадываясь, каким будет ответ.

– Сказала, что сделаю это с удовольствием. Можешь положить этот мусор туда, откуда взял.

Сол помедлил, но все же закрыл папку и положил назад в корзинку для мусора, ненавидя себя за то, что способству-

ет уничтожению таких блестящих работ. Но еще больше он ненавидел себя за то, что хочет их уничтожить.

– У тебя что, на сегодня ничего нет? – спросил он.

Она выровняла стакан и лампу на прикроватном столике вплоть до миллиметра, пока они не встали так, как должны были стоять.

– Ничего важного, – ответила она, стирая громадное пыльное пятно со столика. И это в «Рице»! Нет, нужно поговорить с менеджером. Она посмотрела на Сола, стоявшего у окна. – Боже мой, как ты распустился.

Когда-то у него, вероятно, была хорошая фигура. Но теперь он весь стал дряблым. У Си-Си были толстые мужчины. У нее были накачанные мужчины. На ее вкус, и та и другая крайности были неплохи. Отвращение у нее вызывало лишь промежуточное состояние.

Сол вызывал у нее отвращение, и она уже не могла вспомнить, почему выбрала его. Потом посмотрела на гляцевую белую обложку книги и вспомнила.

Фотография. Сол был изумительным фотографом. На книге над названием «Клеймите беспокойство» красовалось ее лицо. Ее волосы, очень светлые, почти белые, ее губы, полные и красные, ее голубые глаза, поразительные, умные. И все лицо, такое белое, что оно сливалось с фоном, отчего казалось, что глаза, рот и уши просто парят на обложке.

Си-Си была в восторге от этой фотографии.

После Рождества она избавится от Сола. Когда он выпол-

нит последнее свое обязательство. Она обратила внимание, что он, вероятно, сел на стул у стола, когда разглядывал работы в портфолио. Теперь стул стоял не на месте. Она почувствовала, как в ней нарастает раздражение. Черт его побери – он что, намеренно выводит ее из себя? И черт побери эту папку с картинками. Си-Си вскочила с кровати, поправила этот несносный стул и заодно передвинула телефонный аппарат, чтобы он стоял параллельно кромке стола.

После этого она запрыгнула в кровать, разгладила простыни у себя на ногах. Наверное, стоит вызвать такси, чтобы добраться до офиса. Но потом она вспомнила, что ей нужно заехать в одно место. По важному делу.

В «Ожильви» устраивали распродажу, и еще она присмотрела себе сапожки в магазинчике на рю Де-ла-Монтань, где эскимосы продавали свои поделки.

Скоро она начнет продавать одежду и мебель, изготовленные по ее моделям, во всех магазинах Квебека. А затем и по всему миру. Скоро они пожалеют, что подсмеивались над ней, все эти высокомерные модные дизайнеры. Вскоре все узнают про ли-бьен, ее собственную философию дизайнера и жизни. Фэншуй – дело прошлого. Люди жаждут перемен, и она даст им эти перемены. О ли-бьен будут говорить во всех домах.

– Ты уже снял себе дом на праздники? – спросила она.

– Нет, съезжу завтра. Слушай, а зачем тебе этот дом где-то у черта на куличках?

– У меня были на этот счет свои соображения.

Она почувствовала, как в ней закипает злость: кто он такой, чтобы оспаривать ее решения? Она пять лет ждала этой возможности – купить дом в Трех Соснах. Си-Си де Пуатье могла быть терпеливой, если требовалось и если у нее были для этого основания.

Она много раз ездила в эту убогую деревеньку, завела знакомства с местными агентами по торговле недвижимостью, даже говорила с продавцами в расположенных неподалеку Сен-Реми и Уильямсбурге. Сколько лет ушло. Дома в Трех Соснах продавались не часто.

И вот чуть более года назад ей позвонила агент Йоланда Фонтейн. Дом на продажу появился. Громадный викторианский особняк на холме над деревней. Дом владельца мельницы. Дом хозяина.

«Сколько?» – спросила Си-Си, зная, что это почти наверняка ей не по карману. Придется взять в долг под залог компании, заложить все, что у нее есть, заставить мужа обналичить полис страхования жизни, снять деньги с пенсионного вклада.

Ответ агента удивил ее. Дом оценивался гораздо ниже рыночной стоимости.

«Но тут есть одно „но“», – пояснила Йоланда приторным голосом.

«Слушаю».

«Там было совершено убийство. И попытка убийства».

«И это все?»

«Ну, формально там еще имело место похищение человека. Поэтому дом и продается так дешево. Но покупка замечательная. Трубы великолепные. В основном медные. Крышу крыли всего двадцать лет назад. И...»

«Беру».

«Что, и посмотреть не хотите?» Не успев задать этот вопрос, Йоланда поняла, как промахнулась. Если эта идиотка готова купить старый дом Хадли, не глядя, не осматривая, не изгоняя злых духов, то пусть берет.

«Готовьте бумаги. Я приеду сегодня днем с чеком».

И она приехала. Примерно неделю спустя она сказала мужу, что ей нужна его подпись, чтобы получить наличность с пенсионного вклада. Он стал возражать, но так слабо, что сторонний наблюдатель даже не понял бы, что это протест.

Старый дом Хадли, это чудовище на холме, теперь принадлежал ей. Ничто не могло бы сделать ее счастливее. Все было идеально. Три Сосны были идеальны. Вернее, будут идеальны, когда она с ними покончит.

Сол фыркнул и отвернулся. Ему было совершенно ясно: Си-Си бросит его, как только он выполнит еще одно ее задание – фотосессию в этой жуткой жлобской деревне. Эти фотографии предназначались для ее первого каталога, и она просила его снять, как она общается с аборигенами на Рождество. Если получится, она хотела бы получить фотографии местных жителей, глядящих на нее с удивлением и любовью.

Ему для этого понадобятся деньги.

Все, что делала Си-Си, она делала с определенной целью. И насколько понимал Сол, эта цель сводилась к двум пунктам: пополнить кошелек и пощекотать самолюбие.

Так зачем же она купила дом в деревне, о которой никто и не слышал? Дело тут было не в престиже. Значит, в чем-то другом.

В деньгах.

Си-Си было известно об этой деревне что-то такое, чего не знали другие.

Его интерес к Трем Соснам воспрял с новой силой.

– Кри! Да шевелись ты, бога ради!

Эти слова имели вполне буквальный смысл. Изящная, как тростинка, наследница трастового фонда и главная красота праздника изо всех сил пыталась быть замеченной, а это нелегко, если перед тобой образовался сугроб в виде Кри. Она вышла на сцену, танцевала и кружилась вместе с остальными ангельскими снежинками, но вдруг замерла на месте. Никого не волновало, что в Иерусалиме не бывает снега. Учительница вполне справедливо решила, что если кто-то верит в непорочное зачатие, то могут поверить и в снегопад в чудесную ночь Рождества Христова. Но зато всех взволновало, что одна из снежинок, вполне способная испортить весь микроклимат, замерла ни с того ни с сего в центре сцены. Перед младенцем Иисусом.

– Давай, ты, идиотка толстожопая!

Это оскорбление, как и все другие, сошло с Кри как с гуся вода. Подобные оскорбления были белым шумом ее жизни. Она их практически не слышала. Она стояла на сцене и смотрела на публику, словно ее внезапно обездвигили.

– У Бри приступ сценобоязни, – прошептала мадам Брюно, преподаватель актерского мастерства, на ухо учительнице музыки мадам Латур, словно предполагая, что та как-то исправит ситуацию.

За глаза даже учителя называли Кри этим именем – Бри¹⁰. По крайней мере, они думали, что за глаза. Их давно уже перестало волновать, слышит их или нет эта странная молчаливая девочка.

– Я вижу, – огрызнулась мадам Латур.

Огромная нагрузка по организации праздника, которая ложилась на ее плечи каждый год, рано или поздно давала о себе знать.

Но Кри окаменела не из страха перед сценой или перед публикой. Замереть на месте ее заставило то, чего она не увидела.

Из собственного долгого опыта Кри знала: страшнее всего то, чего ты не видишь.

И то, чего Кри не увидела, разбило ей сердце.

¹⁰ *Бри* – название сыра, имеющего вид пухлой лепешки.

– Я помню, как мой первый гуру Рамен Дас¹¹ сказал мне... – Си-Си расхаживала по номеру отеля в белом халате и собирала фирменную канцелярскую бумагу и кусочки мыла, в очередной раз рассказывая свою любимую историю. – «Си-Си Дас», сказал он, а он именно так меня и называл. «Си-Си Дас», – сообщила Си-Си канцелярской бумаге. – Это большая редкость для женщины – удостоиться такой чести, особенно в Индии в то время.

Сол подумал: «Может быть, Рамен Дас и не понимал, что Си-Си – женщина».

– Это было двадцать лет назад. Я была всего лишь невинной девчонкой, но уже и тогда – искательницей правды. Я встретила Рамена Даса в горах, и между нами тут же установилась духовная связь.

Она сложила ладони, а Сол подумал: «Может, она хоть в этот раз не скажет...»

– Намасте¹², – произнесла Си-Си, кланяясь. – Он меня научил этому. Очень духовно.

Она так часто использовала слово «духовно», что его смысл для Сола окончательно выхолостился.

– Он мне сказал: «Си-Си Дас, у вас громадный духовный дар. Вы должны покинуть это место и поделиться своим даром со всем миром. Вы должны сказать людям, чтобы они

¹¹ Дас – часто встречающееся имя среди приверженцев индуизма, буддизма и некоторых других восточных религий. Имеет значение «слуга бога».

¹² Индийское приветствие.

перестали волноваться, заклеямили беспокойство».

Она говорила, а Сол безмолвно повторял вместе с ней слова – мелодия была знакомая.

– «Си-Си Дас, – сказал он мне, – вы лучше кого бы то ни было знаете, что, когда чакры настроены, все становится белым. А когда все белое, это значит, что все в порядке».

Сол подумал, что она, возможно, путает индийского мистика с членом ку-клукс-клана. Вот было бы занятно, будь оно так на самом деле.

– «Вы должны вернуться в мир, – сказал он. – Вам было бы неправильно оставаться здесь. Вы должны открыть компанию и назвать ее „Клеймите беспокойство“». Я так и сделала. И вот почему я написала эту книгу. Чтобы нести людям слово духовности. Люди должны знать. Их сбивают с толку все эти безответственные секты, которые пользуются ими. Я должна рассказать им о ли-бьен.

– Теперь сбит с толку уже я, – заметил Сол, радуясь румянцу гнева, неизменно появлявшемуся на ее щеках в такой ситуации. Си-Си была предсказуема, как кукушка в часах. Она ненавидела всех, кто предполагал, что ее идеи гроша ломаного не стоят. – Так о ли-бьен тебе тоже Рамен Дас сказал?

– Ну ты и болван. Рамен Дас был в Индии. А ли-бьен – это древняя восточная философия, передававшаяся в моем семействе из поколения в поколение.

– Учение древних китайских философов?

Если бы их отношения не затянулись, он бы даже удоволь-

ствие от этого получал. И потом, из этого можно было бы сделать неплохую историю и смешить людей. Долой тоску, которую он нагонял на людей своими разговорами. Он мог бы сделать из Си-Си настоящее посмешище.

Она раздраженно прищелкнула языком:

– Ты же знаешь, что моя семья из Франции. А у Франции долгая и благородная история колониальных завоеваний на Востоке.

– Ах да, Вьетнам.

– Именно. Моя семья работала на дипломатическом поприще и привезла с Востока древние духовные учения, включая и ли-бьен. Я тебе все это говорила. Ты что, не слушал? И кстати, я пишу об этом в книге. Ты что, не читал, что ли?

Си-Си швырнула в него книгой, он увернулся, но все же книга задела его руку.

– Да читал я твою долбаную книгу. Читал и перечитывал. – Ему с трудом удалось сдержаться и не назвать эту писанину кучей дерьма, какой она и была. – Я знаю эту историю. Твоя мать разрисовала шар ли-бьен, и это единственное, что у тебя осталось в память о ней.

– Не о ней, кретин. А обо всей моей семье, – прошипела она, как змея.

Солу хотелось ее позлить, но он понятия не имел, чем это может закончиться. Он вдруг уменьшился ростом до двух футов – ребенок, сжавшийся от страха при виде той, что за-

городила от него солнце, загородила весь свет. Он скорчился, увял, сгорбился. Ушел в себя. А снаружи оставался все тем же взрослым человеком, который стоял неподвижно и смотрел на нее. И спрашивал себя, откуда взялся такой монстр.

Си-Си хотела оторвать ему руку. Выковырять его выпуклые глаза из глазниц, сорвать кожу с его костей. Она чувствовала, как в груди у нее растут злоба и сила, излучаются из нее, как из нарождающейся звезды. Руки у нее горели от желания добраться до его сердца, разодрать вены на его шее, задушить. И она могла это сделать. Хотя он был крупнее и тяжелее, она могла это сделать. Она знала, что в такие минуты ее ничто не может остановить.

После ланча с вареной лососиной и gigot d'agneau¹³ Клара и Мирна разделились – каждая собиралась делать покупки отдельно. Клара прежде всего отправилась на поиски Зигфрида Сассуна¹⁴.

– Так ты в книжный? – спросила Мирна.

– Нет, конечно. Я хочу сделать прическу, – ответила Клара, думая о том, насколько же Мирна отстала от жизни.

– У Зигфрида Сассуна?

– Ну, не лично у него, но у кого-нибудь в его салоне.

¹³ Ягнячьей ножкой (*фр.*).

¹⁴ *Сассун Зигфрид* (1886–1967) – английский поэт и писатель, участник Первой мировой войны. Как выясняется из дальнейшего разговора, Клара имеет в виду Видала Сассуна, английского парикмахера-модельера.

– Или в его войсковой части. Насколько я понимаю, это ад, в котором гибнут молодость и смех.

Клара видела фотографии салонов Сассуна и подумала, что хотя описание Мирны и страдает излишним драматизмом, но от истины оно не так уж далеко, судя по надутым, несчастным женщинам на фотографиях.

Несколько часов спустя усталая, но счастливая Клара с трудом шла по рю Сент-Катерин, ухватив руками в варежках множество бечевочных ручек от пакетов, набитых подарками. Ее покупочный загул прошел замечательно. Питеру она нашла идеальный подарок, а всякие штучки поменьше – для семьи и друзей. Мирна была права. Джейн радовалась бы, глядя, как Клара тратит ее деньги. И Мирна тоже оказалась права (пусть и говорила загадочно) в том, что касается этого Сассуна.

– Колготки? Шоколадки «Херши»? – раздался у нее за спиной теплый певучий голос.

– Я как раз о тебе думаю, предательница. Отправила меня на неприветливые улицы Монреаля спрашивать у незнакомых людей, как мне найти Зигфрида Сассуна.

Мирна приложила спину к старому банковскому зданию и затряслась от смеха.

– Не знаю, расстраиваться ли мне или чувствовать облегчение оттого, что никто не знал, как я хотела, чтобы умерший поэт Первой мировой войны сделал мне прическу. Почему ты мне не сказала, что это не Зигфрид, а Видал?

После этих слов Клара тоже расхохоталась, уронив на тротуар свои пакеты.

– Выглядишь неплохо, – отсмеявшись, заметила Мирна, отступая назад и оглядывая Клару.

– Я же в шапочке, идиотка, – сказала Клара, и обе женщины снова рассмеялись, а Клара натянула свою вязаную шапочку с помпоном по самые уши.

В такой атмосфере трудно было не веселиться. Время приближалось к четырем часам, на календаре было 22 ноября, и солнце уже зашло. Теперь улицы Монреаля, всегда полные обаяния, были полны также и рождественскими огнями. Вся рю Сент-Катерин сверкала, гирлянды раскачивались под порывами ветра. Машины ползли медленно – наступил час пик. Пешеходы спешили по заснеженным тротуарам, иногда останавливались, чтобы взглянуть на витрину магазина.

Подруги двигались к пункту своего назначения – «Ожильви». К витрине. Клара за полквартала увидела ее сияние и волшебство, отражающееся на лицах детей, глазающих на это волшебство. Холод отступил, толпы людей, еще мгновение назад толкающихся локтями и протискивающих вперед, исчезли. Даже Мирна уменьшилась в размерах, когда Клара подошла к витрине. И вот она перед ней, мельница в лесу.

– Встретимся здесь, – прошептала Мирна, но ее подруга уже исчезла.

Исчезла в витрине. Протиснувшись сквозь кольцо стоя-

щих вокруг детей, переступив через груду одежды на заснеженном тротуаре, попала прямо в идиллическую рождественскую сценку. Теперь она шла по деревянному мостику к медведице в деревянной мельнице.

– Подайте монетку. *L'argent, s'il vous plaît?*

В мир Клары проник звук – будто кто-то рыгнул рядом.

– Ой, мамочка! – вскрикнул ребенок, и Клара оторвала глаза от витрины и посмотрела вниз.

Груды одежды вырвало, и от блевотины на заскорузлом одеяле, в которое был завернут бродяга, поднимался парок. Или это была женщина? Этого Клара не знала, и ее это не интересовало. Она разозлилась: вот ведь ждала весь год, всю неделю, весь день – ждала этого момента, а какой-то подонок все изbleвал. Дети заплакали, и волшебство прошло.

Клара отошла от витрины и огляделась в поисках Мирны. Но та, вероятно, вошла в магазин и уже стала свидетелем главного события. Сегодня в «Ожильви» их привлекла не только витрина. Их соседка по деревне и подруга Рут Зардо представляла свою последнюю книгу в книжном магазине, расположенном в подвале.

Обычно тоненькие поэтические сборники Рут раздавались забывчивой публике вслед за презентацией в бистро Трех Сосен. Но на сей раз случилось нечто поразительное. Эта старая, высохшая, исполненная горечи поэтесса из Трех Сосен удостоилась награды генерал-губернатора. Все аж рты пооткрывали от изумления. Но не потому, что она не заслу-

жила этой премии. Клара знала, что Рут пишет поразительные стихи.

Но кто тебя обидел так,
что ран не залечить,
что ты теперь любую
попытку дружбу завязать с тобой
встречаешь, губы сжав?
Так было не всегда.

Нет, Рут Зардо заслужила премию. Поразительно то, что об этом было известно кому-то еще.

«Случится ли такое с моим искусством? – спрашивала себя Клара, проходя через вращающиеся двери в ароматизированную и приглушенную атмосферу „Ожильви“. – Может быть, и меня вытащат из неизвестности?» Она все-таки набралась смелости и дала свои работы новой жительнице деревни, Си-Си де Пуатье, услышав, как та говорила в бистро о своем близком друге Дени Фортене.

Если тебя выставляли в галерее Фортена в квартале Утретмон, то можно было считать, что дело сделано. Он выбирал только лучшее из лучших, самых продвинутых, самых глубоких и бесстрашных художников. И у него были связи по всему миру. Даже... ей и подумать об этом было страшно... даже с Музеем современного искусства в Нью-Йорке.

Клара представляла себя на вернисаже в галерее Фортена. Она будет блестящей и остроумной, центром восторженного

почитания, художники меньшего масштаба и крупные критики будут ловить каждое ее мудрое слово. Питер будет стоять чуть в стороне от кружка почитателей и смотреть на нее с едва заметной улыбкой. Он будет ею гордиться и наконец признает в ней коллегу художника.

Кри сидела на заснеженных ступеньках школы мисс Эдвардс. Было уже темно. Внутри и снаружи. Она смотрела перед собой невидящим взглядом, снег скапливался на ее шапочке и плечах. Рядом стояла сумка с костюмом снежинки. Туда же был засунут и табель успеваемости.

Круглая отличница.

Ее учителя только цокали языком и покачивали головой, сожалея, что такой ум пропадает в таком никудышном теле. «КРИчащий позор», – пошутил один из них, и все дружно рассмеялись. Кроме Кри, которая в этот момент как раз проходила мимо.

Все учителя сошлись на том, что им нужно строго поговорить с тем, кто так искалечил девочку: она ни говорить толком не может, ни в глаза тебе посмотреть.

Наконец Кри встала и осторожно двинулась в центр Монреала. Идти было трудно – она скользила на заснеженных тротуарах и крутых подъемах, к тому же груз шифоновой снежинки был почти невыносим.

Глава четвертая

Идя по «Ожилви», Клара не могла решить, что хуже – вонь несчастного бродяги или удушающий парфюмерный аромат магазина. После того как в пятый или шестой раз некое молодое стройное существо обрызгало ее спреем, Клара точно знала ответ. Она самой себе была противна.

– Где ты шляешься, жопа?! – Рут Зардо похромала к Кларе. – С этими пакетами ты похожа на бездомную. – Они обменялись поцелуем. – И ты воняешь.

– Это не я. Это Мирна, – прошептала Клара, показывая на подружку и помахивая рукой под носом.

Вообще-то говоря, она еще никогда не получала такого теплого приема от Рут Зардо.

– На, купи-ка вот это. – Рут протянула Кларе экземпляр своей новой книги «У меня все ОТЛИЧНО». – Я ее тебе даже подпишу. Но сначала ты должна купить.

Высокая и величественная Рут Зардо захромала обратно, опираясь на трость. Она уселась за маленький стол в углу огромного магазина в ожидании, что кто-то попросит ее оставить автограф на книге.

Клара заплатила за книгу, и Рут подписала ее. Здесь всюду были знакомые лица. Габри Дюбо и его партнер Оливье Брюле. Габри был крупный и дряблый, он явно начал сдавать, но ни от чего не собирался отказываться. Ему было лет

тридцать пять, и он решил, что уже хватит быть молодым и мускулистым. Вот только с гейством своим завязывать не собирался. Рядом с ним стоял Оливье, красивый, стройный и элегантный. Светловолосый в отличие от темноволосого партнера. Он был занят тем, что пытался очистить свою шелковую водолазку от волос, явно сожалея о том, что не может вернуть их на прежнее место.

Рут могла и не ехать на презентацию в Монреаль. Здесь присутствовали только жители Трех Сосен.

– Пустая трата времени, – сказала она, склонив голову с коротко подстриженными седыми волосами над книгой Клары. – Ни одного монреальца, черт бы их подрал. Ни единого. Только наша гоп-компания. Скукотища.

– Ну спасибо тебе, старая карга, – проворчал Габри, в больших руках которого утонули две книги.

– Потрясающе. – Рут подняла голову. – Это ведь книжный магазин, – очень медленно и громко произнесла она. – Это для людей, которые умеют читать. Это не общественная баня.

– И в самом деле, ужасно, – сказал Габри, глядя на Клару.

– Это Мирна, – возразила она, но, поскольку Мирна была далеко – болтала с Эмили Лонгпре, доверие к Кларе было подорвано.

– По крайней мере, заглушает аромат поэзии Рут, – заметил Габри, держа «У меня все ОТЛИЧНО» на вытянутой руке.

– Педик, – огрызнулась Рут.

– Ведьма, – отшил ее Габри, подмигнув Кларе. – Salut, ma chère¹⁵.

– Salut, mon amour¹⁶. А что это у тебя за вторая книга? – спросила Клара.

– Си-Си де Пуатье. Ты знаешь, что наша новая соседка написала книгу?

– Господи Иисусе, это означает, что она написала больше книг, чем прочитала.

– Я ее вон там взял.

Он показал на кипу белых книг в ящике с остатками. Рут фыркнула, но сочла за лучшее промолчать, вероятно поняв, что еще несколько дней – и небольшой тираж ее тоненького сборника с изящными стихами присоединится к дерьмовой писанине Си-Си в этом литературном гробу.

Возле ящика стояло несколько человек, в том числе Три Грации из Трех Сосен: Эмили Лонгпре, невысокая и элегантная, в изящной юбке, блузке и шелковом шарфе; Кей Томпсон, в свои девяносто с хвостиком старшая из трех подружек, высохшая и сморщенная, пахнувшая медицинскими мазями от «Проктер энд Гэмбл» и похожая на картофелину; и Беатрис Мейер с буйными рыжими волосами, дешевеньким ожерельем на шее и рыхлым пухлым телом, недостатки которого не скрывал даже объемистый кафтан золотистого цвета. Ма-

¹⁵ Привет, моя дорогая (*фр.*).

¹⁶ Привет, моя любовь (*фр.*).

тушка Беа, как ее называли, держала экземпляр книги Си-Си. Она повернулась и посмотрела в сторону Клары. Всего на одно мгновение. Но этого было достаточно.

Матушкой Беа владело какое-то чувство, которого Клара не могла распознать. Ярость? Страх? Крайняя озабоченность какого-то рода – в этом Клара не сомневалась. А потом это ушло, и на лицо Матушки, розовое, морщинистое и открытое, вернулось прежнее беззаботное веселое выражение.

– Ладно, идем. – Рут с трудом поднялась на ноги и взяла Габри под любезно предложенную руку. – Здесь ничего не происходит. Когда нагрянут неизбежные орды любителей великой поэзии, я галопом примчусь сюда.

– Bonjour¹⁷, дорогая.

Крохотная Эмили Лонгпре поцеловала Клару в обе щеки. Зимой, когда большинство квебекцев, закутанные в шерсть и парки, были похожи на персонажи комиксов, Эм умудрялась выглядеть элегантно и красивой. У нее были со вкусом крашенные светло-каштановые, великолепно уложенные волосы. Одежда и косметика – неброские и уместные. В восемьдесят два она была одной из старейших жительниц Трех Сосен.

– Ты это видела? – Оливье протянул Кларе книгу.

С обложки смотрела Си-Си – взгляд жестокий, холодный. «Клеймите беспокойство».

Клара посмотрела на Матушку. Теперь она поняла, поче-

¹⁷ Добрый день (*фр.*).

му Матушка Беа пребывает в таком состоянии.

– Ты послушай. – Габри начал читать с задника. – «Миз де Пуатье официально объявляет фэншуй делом прошлого».

– Кто бы сомневался, ведь это древнее китайское учение, – сказала Кей.

– «Вместо него, – продолжил чтение Габри, – этот новый мэтр дизайна предлагает более богатую, более осмысленную философию, которая облагородит и окрасит не только наши дома, но и наши души, каждое наше мгновение, каждое решение, каждое дыхание. Выбирайте ли-бьен, путь света».

– Что это такое – ли-бьен? – спросил Оливье.

Клара увидела, как Матушка открыла рот и снова закрыла его.

– Матушка? – спросила она.

– Я? Нет, детка, я не знаю. Почему ты спрашиваешь?

– Я подумала, что у вас центр йоги и медитации – может, вы знаете и ли-бьен, – сказала Клара, стараясь выразиться помягче.

– Мне известны все духовные практики, – ответила Матушка, чуть преувеличивая, как показалось Кларе. – Но эта – нет.

Скрытый смысл ее слов был ясен.

– И тем не менее, – сказал Габри, – совпадение довольно странное, не правда ли?

– Что странное? – спросила Матушка с безмятежным лицом и голосом, но вобрав голову в плечи.

– Ну, то, что Си-Си назвала свою книгу «Клеймите беспокойство». Ведь именно так называется и ваш центр медитации.

Ответом ему было молчание.

– Что? – спросил Габри, чувствуя, что вступил на запретную территорию.

– Вероятно, это совпадение, – ровным голосом произнесла Эмили. – И возможно, дань уважения по отношению к тебе, *ma belle*¹⁸. – Она повернулась к Матушке и положила ладонь на пухлую руку подружки. – Она вот уже год как живет в старом доме Хадли, и ее наверняка вдохновила работа, которую ты делаешь. Это дань твоему духу.

– И ее куча дерьма, вероятно, выше твоей, – заверила ее Кей. – Это должно быть утешением. Я не думала, что такое возможно, – сказала она, обращаясь к Рут, которая с удовольствием разглядывала свою героиню.

– Хорошая прическа, Клара, – похвалил Оливье, думая, что это снимет напряжение.

– Спасибо. – Клара пробежала руками по волосам, отчего те встали торчком, словно со страху.

– Ты права, – сказал Оливье Мирне. – У нее вид как у испуганного солдата из окопов времен битвы при Вими¹⁹. Не

¹⁸ Моя красавица (*фр.*).

¹⁹ *Битва при Вими* – сражение между канадскими и германскими войсками в апреле 1917 года, в ходе Первой мировой войны. Ценой тяжелых потерь канадцы сумели захватить район хребта Вими близ Арраса (Франция).

многие могут воспринять этот вид. Очень смело, очень в духе нового тысячелетия. Я тебя поздравляю.

Клара прищурилась и уставилась на Мирну, которая расплылась в улыбке.

– В жопу папу римского, – произнесла Кей.

Си-Си снова поправила стул. Одета, она стояла в одиночестве в номере отеля. Сол ушел, не предлагая и не ожидая прощального поцелуя.

Она испытала облегчение, когда он исчез. Теперь наконец она могла сделать то, что задумала.

Си-Си взяла экземпляр «Клеймите беспокойство» и встала у окна. Потом медленно подняла книгу и прижала к груди, словно возвращая туда часть себя, которой ей не хватало всю жизнь.

Она наклонила голову в ожидании. Неужели они и в этом году подведут ее? Нет. Ее нижняя губа чуть задрожала. Глаза заморгали, в горле образовался комок. А потом они появились – побежали, холодные, по щекам в открытый, вместительный и в этот момент безмолвный рот. И она устремилась за ними в эту темную пропасть и оказалась в знакомой комнате на Рождество.

Ее мать стояла рядом с давно высохшей и неукрашенной елочкой, затиснутой в угол строгой темной комнаты, с россыпью опавших иголок на полу. На елке висел единственный шарик, и вот ее мать, истеричная, воющая, сорвала его. Си-

Си еще слышала, как остатки иголок, шурша, сыплются на пол, а шарик уже полетел в ее сторону. Она не собиралась его ловить. Выставила руки только для того, чтобы защитить лицо. Но шарик оказался в ее ладонях, прилип к ним, словно обрел там дом. Ее мать теперь была на полу – она выла и перекатывалась, а Си-Си отчаянно хотела остановить ее. Закрыть ей рот, заставить замолчать, иначе соседи снова вызовут полицию и ее мать опять увезут. А Си-Си останется одна в окружении посторонних людей.

Какое-то мгновение Си-Си колебалась и смотрела на шарик в своих руках. Он сиял и был теплым на ощупь. На нем была простая картинка: три высокие сосны рядом, словно семья, на прогнувшихся ветвях лежит снег. А ниже рукой матери было написано: «Noël»²⁰.

И Си-Си переместилась в шарик, потерялась в его тишине, покое и свете. Но она, вероятно, слишком долго смотрела на него. Стук в дверь – и три сосны пропали, а она вернулась к ужасу, воющему перед ней.

«Что тут происходит? Впустите нас», – потребовал мужской голос из-за двери.

И Си-Си впустила. Впрочем, больше она никого и нигде не впускала.

Проходя мимо «Рица», Кри остановилась, чтобы взглянуть на этот шикарный отель. Швейцар не обратил на нее

²⁰ Рождество (фр.).

внимания, не предложил войти. Она медленно пошла дальше. Ее туфли напитались слякотью, шерстяные варежки висели на руках, налипший снег тянул их к земле.

Кри было все равно. Она тащилась по темным заснеженным переполненным улицам, люди натыкались на нее и с отвращением мерили взглядом, словно жирные дети размазали их сострадание, как глазировку по торту, а потом проглотили.

Она продолжала идти. Ноги у нее стали замерзать. Она вышла из дому без зимних ботинок, а когда ее отец неуверенно предложил ей надеть что-нибудь потеплее, она проигнорировала его.

Как игнорировала его ее мать. Как игнорировал его весь мир.

Она остановилась перед «Monde de la musique»²¹. В витрине висел постер Бритни Спирс: певица танцевала на жарком тропическом пляже, а ее радостные бэк-вокалисты ухмылялись и приплясывали.

Кри стояла перед витриной, пока не перестала чувствовать руки и ноги. Она вообще перестала что-либо чувствовать.

– Что-что? – переспросила Клара.

– В жопу папу римского, – четким голосом повторила Кей. Матушка Беа сделала вид, что ничего не слышала, а Эми-

²¹ Магазин «Мир музыки» (фр.).

ли тихонько подошла поближе к подруге, словно на тот случай, чтобы подхватить Кей, если та упадет.

– Мне девяносто два, и я знаю все, – сказала Кей. – Кроме одного, – внесла она поправку.

Последовала еще одна долгая пауза. Но любопытство пересилило смущение. Кей, обычно немногословная и грубоватая, собиралась заговорить, и друзья плотнее обступили ее.

– Мой отец во время Первой мировой войны был в экспедиционном корпусе.

От нее ждали чего угодно, только не этого. Теперь она говорила тихим голосом, лицо ее расслабилось, взгляд устремился на книжные полки. Кей совершала путешествие во времени; Матушка Беа заявляла, что именно такие путешествия совершает она во время своих йогических полетов, но она никогда не делала этого с таким совершенством.

– Они тогда сформировали дивизию для католиков, в основном ирландцев вроде моего папочки и, конечно, квебекцев. Он никогда не говорил о войне. Ни разу. А я никогда не спрашивала. Можете себе представить? Как по-вашему, он хотел, чтобы я спросила? – Кей посмотрела на Эм, которая хранила молчание. – О войне он нам сказал только одно.

Тут она замолчала. Оглянулась и увидела свою пушистую вязаную шапочку. Она протянула руку, надела шапочку и выжидательно посмотрела на Эм. Все затаили дыхание. Глядели на нее, предполагая услышать больше.

– Да бога ради, женщина, скажи уже нам, – просипела Рут.

– Ах да. – Кей словно в первый раз увидела их. – Папочка.

На Сомме. Командиром у них был, как вы знаете, Ролинсон. Этот идиот. Я про него все узнала. Мой отец был по грудь в грязи и дерьме, лошадином и человеческом. В пищу ползали личинки. Кожа у него начала гнить, вся покрылась пузырями. Зубы и волосы выпадали. Они давно перестали сражаться за короля и страну, они сражались друг за друга. Он любил своих друзей.

Кей посмотрела на Эм, потом на Матушку:

– Мальчики построились, им приказали прикрепить штыки.

Все чуть подались вперед.

– Предыдущая волна мальчиков прошла примерно минуту назад, и всех их скосили пули. Они слышали крики и видели корчащиеся части тела, заброшенные взрывами назад в окопы. И вот наступила их очередь – моего отца и его друзей. Они ждали приказа. Он знал, что сейчас умрет. Что ему осталось жить считанные минуты. Он знал, что может сказать одно, последнее. И знаете, что кричали эти мальчики, когда выпрыгивали из окопов?

Земля перестала вращаться, все замерло.

– Они перекрестились и выкрикнули: «В жопу папу римского!»

Кружок подался назад, словно оскорбленный этими словами, этой сценой. Кей посмотрела на Клару своими вопро-

шающими, влажными голубыми глазами:

– Почему?

Клара не могла понять, с чего Кей взяла, будто ей это известно. Она не знала. И ей хватило ума промолчать. Кей уронила голову, словно этот груз стал для нее непосильным. По ее тонкой шее к затылку пролегла глубокая ложбинка.

– Пора, дорогая. Ты, наверно, устала.

Эм прикоснулась тонкими пальцами к руке Кей, Матушка Беа подошла с другой стороны, и три старушки медленно двинулись из магазина. Домой, в Три Сосны.

– И нам тоже пора. Подвезти? – спросила Мирна у Рут.

– Нет, я останусь тут до самого горького конца. Вы, крысы, не переживайте. Можете бросить меня здесь.

– Святая Рут среди язычников, – сказал Габри.

– Богоматерь вечной поэзии, – добавил Оливье, – мы останемся с тобой.

– Жила как-то женщина по имени Рут... – начал Габри.

– И был у нее не язык, а кнут, – подхватил Оливье.

– Ладно, идем. – Мирна потащила Клару, но Кларе было интересно, какую еще рифму они придумают к «Рут».

«Хомут»? «Плут»? Быть поэтом труднее, чем кажется на первый взгляд.

– Мне нужно сделать еще одну вещь перед уходом, – сказала Клара. – Это всего минутка.

– Я пригоню машину и буду ждать тебя у дверей.

Мирна поспешила на улицу. Клара нашла в «Ожильви»

маленький ресторанчик и купила там итальянский сэндвич и рождественское печенье. А к этому большой кофе. После чего направилась к эскалатору.

Ей не давал покоя бездомный человек, через которого она перешагнула у витрины. У нее было подсознательное и тайное убеждение, что если бы Господь когда-нибудь и спустился на землю, то в обличье нищего. Что, если это был Он? Или Она? Без разницы. Если это и в самом деле был Бог, то Клара на сей счет имела глубокое, почти духовное ощущение, что ее обманули. Ступив на эскалатор, поднимающийся на главный этаж, Клара увидела знакомую фигуру, направляющуюся вниз. Си-Си де Пуатье. И Си-Си ее тоже увидела – Клара была уверена.

Си-Си де Пуатье ухватила за прорезиненные перила эскалатора и устояла на женщине, вошедшую на соседний эскалатор внизу. Клара Морроу. Эта самодовольная, улыбающаяся, ханжеская деревенская бабенка. Эту женщину всегда окружали друзья, всегда при ней был ее красавец-муж, а она демонстрировала его так, словно тот факт, что она заарканила одного из монреальских Морроу, не был ошибкой природы. По мере приближения Клары, у которой был провинциально счастливый вид, Си-Си чувствовала, как в ней нарастает злость.

Си-Си сильнее ухватила за перила, чтобы не перепрыгнуть через тонкий металлический разделитель и не наброситься на Клару. Она собрала весь свой гнев в комок, в ме-

тательный снаряд, и будь ее грудь пушечным жерлом, она, как Ахав²², выстрелила бы своим сердцем в Клару.

Но вместо этого она сделала кое-что ничуть не хуже.

Она повернулась к человеку, стоящему рядом с ней, и сказала.

– Очень жаль, Дени, что ты находишь искусство Клары дилетантством и банальщиной. Значит, она просто попусту тратит свое время?

Си-Си увидела, как наглое, самоуверенное лицо проезжающей мимо Клары сморщилось. Удар попал точно в цель. Си-Си снова повернулась к ошеломленному незнакомцу рядом с ней и улыбнулась – ей было все равно, пусть думает, что она сумасшедшая.

Клара сошла с эскалатора как в тумане. Пол уходил куда-то вдаль, а стены раздвинулись. «Дыши. Дыши», – приказала она себе, испугавшись, что может и в самом деле умереть. Быть убитой словами. Убитой Си-Си. Так небрежно, так жестоко. Она не признала Фортена в спутнике Си-Си; впрочем, она видела его только на фотографиях.

Дилетантство и банальщина.

А потом – укол боли и слезы. Она стояла в «Ожильви», в том месте, в которое ее тянуло всю жизнь, и плакала. Рыдала. Она опустила свои драгоценные подарки на мраморный пол, положила туда сэндвич, печенье и кофе, как ребенок кладет подношения Санта-Клаусу. Потом опустилась на колени са-

²² Имеется в виду капитан Ахав, персонаж романа Г. Мелвилла «Моби Дик».

ма – последнее подношение – и превратилась в сплошной комок боли.

Дилетантство и банальщина. Все ее подозрения, все страхи оправдались. Значит, голос, который нашептывал ей в темноте, пока спал Питер, не лгал.

Ее искусство – сплошное дерьмо.

Покупатели обходили ее, никто не предлагал ей помощи. Точно так же, подумала Клара, как она сама не предложила помощи бродяге у витрины. Она постепенно взяла себя в руки, подняла свои пакеты и поплелась к вращающейся двери.

Было темно и холодно, снег и ветер усилились, кусая ее теплую кожу. Клара остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте.

Там, под витриной, по-прежнему лежал тот бродяга.

Она приблизилась к нищему и обратила внимание, что парок над блевотиной больше не поднимается – она замерзла. Подойдя ближе, Клара прониклась убеждением, что этот нищий – старуха. Она увидела клок седых волос и тонкие руки, прижимающие грязное одеяло к коленям. Клара нагнулась, ощутила ее дыхание – от этого запаха ее саму чуть не вырвало. Она инстинктивно подалась назад, но пересилила себя и снова наклонилась над старухой. Поставив пакеты на тротуар, она положила еду перед женщиной.

– Я принесла вам еды, – сказала она сначала по-английски, потом по-французски.

Она пододвинула пакетик с сэндвичем поближе к женщи-

не и подняла стаканчик с кофе, надеясь, что нищенка их увидит.

Никакого движения. Клара заволновалась: а жива ли нищенка вообще? Она легонько приподняла грязный подбородок.

– Вы живы?

Из-под одеяла появилась рука в грязной варежке и обви-лась вокруг запястья Клары. Голова приподнялась. Усталые, слезящиеся глаза встретились с Клариными и остановились на мгновение.

– Я всегда любила твое искусство, Клара.

Глава пятая

– Но это невероятно.

Мирне не хотелось, чтобы ее подруга подумала, будто она сомневается в ее словах. Но «невероятно» – это еще было мягко сказано. Это было немыслимо. И, несмотря на чашку чая и огонь в камине, кожа на ее руках оставалась покрыта мурашками.

Предыдущим вечером они ехали домой из Монреаля молча, слушали рождественский концерт по Си-би-си. На следующее утро Клара заявила в магазин к Мирне ни свет ни заря, сгорая от желания поговорить.

– Невероятно, – согласилась Клара, запивая чаем коржик в виде звездочки и спрашивая себя, когда уже наконец Мирна подаст стоящие у нее повсюду вазочки с лакричными конфетами и засахаренным имбирем.

– Она и вправду сказала «Я всегда любила твое искусство, Клара»?

Клара кивнула.

– И это случилось сразу же после того, как Си-Си заявила, что твоя работа... ну там, сама знаешь.

– Не только Си-Си, но и Фортен. Дилетантство и банальщина, так он сказал. Но это не имеет значения. Богу мои работы нравятся.

– А под Богом ты имеешь в виду заросшую грязью бро-

бродяжку?

– Именно ее.

Мирна всем телом подалась вперед в кресле-качалке. Вокруг нее, как обычно, стояли стопки книг в ожидании, когда она их рассмотрит и оценит. У Клары создалось впечатление, что они вскакивают на ноги-пружинки и следуют за Мирной по деревне. Где бы она ни находилась, повсюду были книги, словно ее неповоротливые, громоздкие визитки.

Мирна принялась вспоминать. Да, она заметила эту бродяжку, но она замечала всех бродяжек. Она спрашивала себя, что случится, если она узнает кого-нибудь из них. Многие годы она принимала пациентов в больнице для душевнобольных в Монреале, пока однажды – и вовсе не совершенно неожиданно, как она хотела бы думать, – не появилось предписание. Большинство ее клиентов (пациенты за одну ночь превратились в клиентов) должны быть выписаны. Она, конечно, возражала, но в конечном счете была вынуждена сдаться. И вот она сидела за своим выдавшим виды столом, а по другую сторону от нее сменялись «клиенты», и она, глядя им в глаза, выписывала бумажку, согласно которой они якобы готовы жить своим умом, принимая предписанные лекарства и молясь Господу.

Большинство быстро потеряли свои рецепты и не знали ни одной молитвы.

За исключением, возможно, той женщины, с которой пересеклась Клара.

Мирна посмотрела на свою подругу поверх кружки. Возможно ли, чтобы Клара и в самом деле встретила Бога на улице? Мирна верила в Бога и молилась, чтобы этот «бог» не оказался одним из тех мужчин или женщин, которых она предала, подписав документ на их выписку. Несмотря на свою внушительную комплекцию, Мирна плохо держала удар.

Клара смотрела в окно мимо деревянных полок, заполненных книгами. Мирна точно знала, что видит Клара. Она бесчисленное количество раз сидела в этом кресле, смотрела в окно и мечтала. Ее мечты были просты. Как у Абу Бен Адхема, героя Ли Ханта²³, у нее была только одна мечта – о спокойной и мирной жизни. И она обрела ее здесь, в этой простой, забытой деревеньке в Восточных кантонах. После нескольких десятков лет лечения людей, которые так и не выздоровели, после долгих лет смотрения в окна на потерянные души, идущие по улице, которая станет их новым домом, Мирна возжелала иного вида из окна.

Она знала, что видит Клара. Клара видела деревенский луг, покрытый на фут снегом, и неправильной формы каток, и двух снеговиков, и три громадные сосны в дальнем конце луга, которые по вечерам подсвечивались веселыми праздничными огоньками – красным, зеленым и синим. На вершине самой высокой из сосен сверкала белая звезда, види-

²³ *Абу Бен Адхем* (VIII в.) – легендарный исламский проповедник и герой одно-го из самых известных стихотворений английского поэта Ли Ханта (1784–1859).

мая на много миль вокруг.

Клара созерцала покой.

Мирна встала и подошла к плите посреди магазина, сняла с нее старый кофейник и налила себе еще одну чашку. Подумала, не достать ли маленькую кастрюльку и не подогреть ли молока для горячего шоколада, но потом решила, что для этого еще рановато.

По обе стороны плиты стояли кресла-качалки, а перед плитой – диван, который Питер нашел на свалке в Уильямсбурге. В углу стояла елочка, которую Мирна с Билли Уильямсом притащили из леса, и теперь комната наполнялась ароматом хвои. Елочка была украшена, а под ней лежали подарки в ярких упаковках. Рядом стоял поднос с печеньем для всех, кто зайдет в магазин, и всюду по магазину были расставлены вазочки с конфетами.

– Так откуда она знает твое искусство? – не могла не спросить Мирна.

– А что ты об этом думаешь?

Кларе было любопытно узнать мнение Мирны. Они обе знали, во что верит Клара.

Мирна задумалась на несколько мгновений, держа в руке книгу. С книгой в руке ей всегда лучше думалось. Но ответ не приходил в голову.

– Не знаю.

– Ты уверена? – с ухмылкой спросила Клара.

– И ты тоже не знаешь, – сказала Мирна. – Ты хочешь ве-

ритель, что это был Бог. Должна тебе сказать, что людей запирают в дурдом и за гораздо меньшее.

– Но ненадолго. – Клара поймала взгляд Мирны. – А ты на моем месте что бы подумала? Что Си-Си права и мои работы дерьмо или что эта бродяжка – Бог, а мои работы великолепны?

– Или ты могла бы перестать прислушиваться к внешнему миру и решить это сама.

– Я пробовала, – рассмеялась Клара. – В два часа ночи я знаю, что мои работы великолепны, а в два часа дня – что они дерьмо. – Она подалась вперед так, что ее руки почти коснулись рук Мирны. Она заглянула в дружелюбные глаза подруги и очень тихо произнесла: – Я верю, что встретила Бога.

Мирна улыбнулась, но не покровительственно. Если Мирна что-то и знала, то всего лишь одно: знает она очень мало.

– Это книга Рут? – Клара взяла в руки «У меня все ОТЛИЧНО». – Можно купить?

– Ты же купила одну вчера. Мы обе купили. Она даже подписала их. Знаешь, мне кажется, я видела, как она подписала несколько книг фамилией Оден²⁴.

– Я свою куда-то засунула. Я куплю эту, и если она ее подпишет как Энтони Хект²⁵, мне все равно.

Клара открыла книгу и прочла наугад:

²⁴ *Оден Уистен Хью* (1907–1973) – англо-американский поэт.

²⁵ *Хект Энтони* (1923–2004) – американский поэт.

Да, дети все печальны,
но некоторые преодолевают это.
Пересчитай счастливые мгновения,
но лучше купи котенка или шляпку
и в танце закружись, чтобы забыть.

- Как Рут это делает? Я ведь знаю: она старая пьянчужка.
- О Боге ты думала то же самое, – сказал Мирна.
- Слушай:

Но что забыть?
Твою печаль, твое уныние
и все, что ты пережила
в день пикника, когда вошла ты в дом,
румяная от солнца,
со ртом, набитым шоколадом,
и в новом платье с бантиком
и пятнами от мороженого,
и в ванной комнате себе сказала,
что ты – ребенок нелюбимый²⁶.

Мирна посмотрела в окно, спрашивая себя, не рухнет ли их мир, такой хрупкий и драгоценный. После приезда сюда Си-Си де Пуатье над маленькой деревней сгустился мрак. Она принесла в Три Сосны нечто нечестивое. Да еще к Рож-

²⁶ Из стихотворения канадской писательницы Маргарет Этвуд «Печальный ребенок».

деству.

Глава шестая

Дни перед Рождеством были насыщенные и яркие. Клара любила это время. Любила все, что с ним связано, начиная от идиотской рекламы и вульгарного парада Пера Ноэля²⁷ по Сан-Реми на деньги супермаркета «Канадиан тайр» до колядок, организованных Габри. Певцы переходили от дома к дому по заснеженной деревне, и воздух полнился старыми песнопениями, смехом, облачками тумана, вырывающегося вместе с дыханием, звенящего песнями и снежинками. Жители приглашали их в свои дома, и они водили хороводы вокруг елок и роялей, пели, выпивали гоголь-моголь, замешанный на бренди, ели бисквиты, копченую лососину, сладкие хлебцы и все вкусности, приготовленные в праздничной духовке. Колядки продолжались несколько дней у всех домов в деревне, кроме одного. По молчаливому согласию все обходили темный дом на холме. Старый дом Хадли.

Габри в своем викторианском плаще и котелке возглавлял колядующих. У него был красивый голос, но ему хотелось невозможного. Каждый год Рут Зардо приходила в бистро в качестве Рождественского деда (по мнению Габри, ее выбирали, потому что ей не нужно было отращивать специальную

²⁷ *Пер Ноэль* (Père Noël, в дословном переводе Отец Рождество) – фольклорный французский рождественский персонаж, ближайший аналог деда Мороза и Санта-Клауса.

бородку), и каждый год Габри забирался ей на колени и просил даровать ему мальчишеское сопрано, и каждый год Рождественский дед предлагал лягнуть его в рождественские яйца.

Каждое Рождество месье и мадам Вашон устанавливали у себя на газоне старые рождественские ясли, дополненные младенцем Иисусом в ванне. Вокруг ванны стояли три волхва и пластмассовые домашние животные, всех их постепенно засыпал снег, а весной они появлялись в прежнем виде – еще одно чудо, пусть в него верили и не все обитатели деревни.

Билли Уильямс впрягал своих першеронов в ярко-красные сани и возил ребят по деревне и холмам, усыпанным снегом. Дети жались друг к другу под старой накидкой из медвежьей шкуры, грели руки о кружки с горячим шоколадом, а величественные серые гиганты тащили их уверенным, размеренным шагом, словно отдавая себе отчет в том, какой драгоценный груз везут. В бистро родителям предлагали места у окон, где они могли прихлебывать теплый сидр и смотреть, как их дети исчезают на рю Дю-Мулен, после чего родители отворачивались от окон и наслаждались теплым интерьером с его подвыцветшими обивками, разнородной мебелью и открытыми сердцами.

Клара и Питер закончили украшать дом, разложили хвойные ветки в кухне, поставили здоровенную елку в гостиной. В их доме, как и во всех остальных домах, пахло хвоей.

Все подарки были завернуты и положены под елку. Клара

разглядывала их каждое утро, в восторге оттого, что наконец-то, благодаря завещанию Джейн, подарки были не с уильямсбургской свалки. Наконец-то они обменивались подарками, которые не нужно было дезинфицировать. Питер повесил носки на каминную полку. Песочное печенье в духовке запекалось в виде звездочек, деревьев, снеговиков, украшенных серебряными шариками, подозрительно похожими на охотничью дробь. Питер в гостиной каждый вечер перед колядованием разводил огонь в камине и читал книги, а Клара брэнчала на пианино, фальшиво напевая рождественские песенки. На протяжении нескольких вечеров заходили Мирна или Рут, Габри или Оливье – здесь их всегда ждала выпивка и закуска.

И вдруг, они и опомниться не успели, наступил канун Рождества и им нужно было отправляться на праздничную вечеринку к Эмили. Но сначала они должны были посетить полуночную службу в Святом Томасе.

«Ночь тиха, священна ночь», – пели прихожане скорее с огоньком, нежели с талантом. Эта рождественская песенка напоминала старинную морскую припевку «Что нам делать с пьяным моряком». Запевал своим прекрасным тенором, естественно, Габри. Или, по крайней мере, давал всем понять, что они бродят по музыкальным джунглям либо потерялись в море. Всем, кроме одного. Из задней части этой деревянной церкви доносился голос такой исключительной чи-

стоты, что даже Габри отходил на второй план. Детский голос воспарял откуда-то с задней скамьи и смешивался с неуверенными голосами прихожан, витал над ветвями остролиста и ели, которые были разложены повсюду членами Общества женщин англиканского вероисповедания, чтобы у празднующих возникало впечатление, будто они находятся вовсе не в церкви, а в лесу. Билли Уильямс прикрепил к балкам голые кленовые ветки, а женщины-англиканки во главе с Матушкой попросили его прикрутить к веткам гирлянды маленьких лампочек, которые создавали иллюзию небес, сверкающих звездами над этой небольшой группой верующих. Церковь была полна зелени и света.

– Зеленый цвет – это цвет сердечной чакры, – объяснила Матушка.

– Я уверена, епископ будет доволен, – сказала Кей.

В канун Рождества Святой Томас был наполнен семьями, взбудораженными детьми, пожилыми мужчинами и женщинами, которые приходили сюда всю жизнь, сидели на одной и той же скамье, почитали одного Бога, крестились, женились и хоронили близких. Некоторых они так и не смогли похоронить, а потому запечатали их в небольшом витражном окне, улавливающем утренний нарождающийся свет. Теперь они маршировали в теплых желтых, синих и зеленых тонах, навечно прославленные и упокоившиеся на Первой мировой войне. Под изображениями этих блестящих мальчиков были начертаны их имена и слова: «Они были нашими детьми».

В этот вечер церковь была заполнена англиканцами, католиками, иудеями, атеистами и людьми, которые верили в нечто неопределенное и не сводящееся к религии. Они пришли, потому что Святой Томас в канун Рождества был полон зелени и света.

Но, как это ни неожиданно, в нынешнее Рождество Святой Томас был полон и прекрасного пения.

«Все, что грех», – пел голос, спасая отчаявшихся прихожан. Клара повернулась, пытаясь разглядеть ребенка. Многие тоже выворачивали шеи, чтобы увидеть того, кто запекает. Даже Габри был вынужден отказаться от своей привычной роли ввиду этого неожиданного и абсолютно благодатного явления божественности. Как сказал бы Йейтс, словно ангел, устав от хныканья мертвых, присоединился к этой веселой компании.

Клара вдруг нашла просвет между головами и увидела все в лучшем виде.

Там, сзади, стояла Си-Си де Пуатье в белом пушистом свитере то ли из кашемира, то ли из кошки. Рядом с ней стоял ее муж, безмолвный и с нездоровым румянцем на лице. А рядом с ним – громадных размеров девочка в ярко-розовом платье без рукавов. Руки у нее были как бочонки, а из-за складок на талии платье в обтяжку становилось похожим на растаявшее клубничное мороженое. Это была настоящая карикатура.

Но лицо ее было прекрасно. Клара видела эту девочку

и прежде, но всегда на расстоянии и только с грустным, несчастным лицом. Но сейчас на этом лице, устремленном к сверкающим потолочным балкам, было выражение блаженства – Клара знала это.

«...Уходит прочь».

Изысканный голос Кри звучал среди балок с гирляндами, потом выскальзывал под дверь старой церкви и плясал с неторопливо падающими снежинками между припаркованных машин и голых кленов. Слова старой рождественской песни скользили по замерзшему пруду, повисали на ветвях разукрашенных елей, проникали в каждый счастливый дом в Трех Соснах.

Закончив службу, священник поспешил прочь – он уже опаздывал на празднество в расположенном неподалеку Кле-гхорн-Холте.

– Счастливого Рождества, – обратился Питер к Габри, когда они собрались на ступеньках перед церковью, чтобы всем вместе отправиться через деревню в дом Эмили. – Какая прекрасная ночь.

– И какая прекрасная служба, – сказала Клара, подходя к Питеру. – Ты можешь себе представить, чтобы так пел ребенок?

– Да, неплохо, – признал Габри.

– Неплохо? – переспросила Матушка Беа, подходя к ним. На одной руке у нее, словно муфта, висела Кей, а на другой – Эмили. – Да она была просто невероятна. Я никогда не

слышала такого голоса. А вы?

– Мне нужно выпить, – проворчала Кей. – Когда мы уходим?

– Прямо сейчас, – успокоила ее Эм.

– Оливье принесет еду из бистро, – сказал Габри. – Мы приготовили вареную лососину.

– Давай поженимся, – предложила Мирна.

– Ты наверняка просишь об этом всех девушек, – упрекнул ее Габри.

– Ты – первая, – сказала Мирна и рассмеялась.

Но ее смех неожиданно пресекся.

– Глупая, глупая девчонка, – раздалось шипение из-за угла церкви. Все замерли, словно обездвиженные этими словами, прорезавшими хрустящий ночной воздух. – Все глазели на тебя. Ты меня унизила.

Это был голос Си-Си. У церкви был боковой выход и тропинка, которая коротким путем вела на Дю-Мулен и к старому дому Хадли. Они поняли, что Си-Си остановилась там в тени церкви.

– Они смеялись над тобой. «Ах, снег лежит вокруг, глубокий, ровный и хрустящий», – издевательски-детским голосом фальшиво пропела Си-Си. – А как ты одета? С ума сошла? Я думаю, ты психически ненормальная.

– Успокойся, Си-Си, – проговорил мужской голос, такой робкий и слабый, что был едва слышен за порывами ветра.

– Она твоя дочь. Посмотри на нее. Толстая, ленивая уро-

дина. Как и ты. Ты с ума сошла, Кри? В этом все дело? В этом? В этом?

Люди стояли не двигаясь, словно прятались от монстра, молча молясь: пожалуйста, пожалуйста, кто-нибудь, остановите ее. Кто-нибудь другой.

– И ты открыла свой рождественский подарок, ты настоящая эгоистка.

– Но ты мне говорила, что я... – попробовала возразить девочка.

– «Я, я, я». Это все, что я от тебя слышу. А ты хоть спасибо мне сказала?

– Спасибо за шоколад, мама.

Голос и девочка стали такими маленькими, будто их и вовсе не существовало.

– Поздно. Если мне приходится вымаливать у тебя «спасибо», то это не считается.

Конец предложения был едва слышен, потому что Си-Си зацокала по дорожке, словно шла, выпустив когти.

Прихожане потеряли дар речи. Рядом с Кларой Габри начал низким голосом неторопливо выводить мелодию, потом, едва слышимые, зазвучали слова старой рождественской песни: «Скорбя и мучаясь, в крови и ранах ляжет он в холодный гроб».

Пока они избегали этого монстра, тот пожирал запуганную девочку.

Глава седьмая

– Joyeux Noël, tout le monde²⁸, – с улыбкой сказала Эм, открыв дверь гостям несколько минут спустя.

Ее любимец Анри, годовалый щенок немецкой овчарки, выскочил на улицу и принялся скакать вокруг гостей, пока его не заманили внутрь куском рождественского пирожного. Неразбериха и веселый шум помогли прогнать неловкое чувство, вызванное у них вспышкой Си-Си. Казалось, вся деревня одновременно прибыла к Эм, люди поднимались по ступенькам широкой веранды, стряхивали снег с курток и шапок.

Дом Эмили представлял собой старинный обитый вагонкой коттедж, расположенный напротив дома Морроу и отделенный от него деревенским лугом. Оливье остановился за кругом света перед крыльцом, стараясь не уронить лососину с блюда.

Приближение к дому Эм, в особенности вечером, всегда зачаровывало его. Это было похоже на одну из тех сказок, что он читал в детстве с фонариком, укрывшись с головой одеялом, – там всегда были увитые розами домики и каменные мостики, огонь, пылающий в камине, и счастливые пары, красотики и красавцы, идущие рука об руку. Его отец с облег-

²⁸ Всем счастливого Рождества (*фр.*).

чением думал, что сын разглядывает фотографии в «Плей-бое», но Оливье занимался делом гораздо более приятным и опасным. Он мечтал о том времени, когда создаст свой собственный сказочный мирок. И это ему удалось. По крайней мере, отчасти. Он сам стал «красоткой». Он смотрел на домик Эм, на его манящий кремовый свет, и понимал, что пришел прямо в книгу, которой утешался, когда мир казался холодным, жестоким и несправедливым. Наконец он улыбнулся и пошел в дом, неся свое рождественское подношение. Он шел осторожно, чтобы не поскользнуться на льду, который, возможно, подстерегал его под тонким слоем снега. Слой чистой белизны был и прекрасен, и опасен. Никогда не знаешь, что под ним. Квебекские зимы могут и очаровывать, и убивать.

Люди прибывали, еду заносили в знакомую кухню, и в духовке скопилось слишком много горшочков и пирогов. Блюда, наполненные засахаренным имбирем, вишней в шоколаде, фруктами в сахаре, стояли на столе рядом с пудингами, тортами, печеньем. Маленькая Роза Левек смотрела на *bûche de Noël*²⁹, традиционное рождественское лакомство из фруктовой коврижки, покрытой тончайшим слоем глазури. Маленькие пухлые пальцы Розы лежали на скатерти, украшенной изображением Санта-Клауса, оленя и рождественской елки. В гостиной Рут и Питер готовили выпивку, Рут выливали свой виски в сосуд, который, как полагал Питер, назы-

²⁹ Рождественское полено (*фр.*).

вается вазой.

На елке горели гирлянды, а рядом сидели дети Вашон и читали надписи на подарках в яркой обертке – искали те, что предназначались им. Огонь в камине разгорался, да и некоторые из гостей понемногу раскошегаривались. В столовой раздвижной стол стонал под грузом горшочков и пирогов, печенных в патоке бобов и ветчины в кленовом соке. Во главе стола, словно викторианский джентльмен, расположилась индейка. Центр стола каждый год оставляли для замысловатых и ярких цветочных композиций Мирны. В этом году это были сосновые ветки с вплетением великолепного красного амариллиса. В центре этого соснового леска на подстилке из мандаринов, клюквы и шоколадок стояла музыкальная шкапулка, и из нее доносилась рождественская песенка.

Оливье донес вареную лососину до стола. Для детей, которые без присмотра набивали желудки конфетами, приготовили пунш.

Так по старой квебекской традиции отмечали у Эмили Лонгпре канун Рождества, так же отмечали этот праздник и ее мать, и ее бабушка в этом самом доме в эту же ночь. Клара увидела, что Эм ходит по кругу, и обняла ее за талию:

– Чем я могу помочь?

– Нет, дорогая. Я просто хочу, чтобы все были довольны.

– Мы в этом доме всегда довольны, – искренне сказала Клара.

Она поцеловала Эм в обе щеки и почувствовала соль на

губах. Эм плакала этим вечером, и Клара знала почему. В Рождество дома были наполнены людьми, которые все еще здесь и которых здесь уже нет.

– Так когда ты собираешься снять свою бородку Санты? – спросил Габри, подсаживаясь к Рут на потертый диван у огня.

– Сука, – пробормотала Рут.

– Шлюха, – парировал Габри.

– Нет, вы только посмотрите.

Мирна села по другую сторону Рут, и от ее веса двое других чуть не катапультировались под потолок. Мирна указала тарелкой в сторону рождественской елки, где молодые женщины критиковали прически друг друга:

– Эти девицы говорят, что у них плохой день для волос. Только подумайте!

– Ну и ну, – заметила Клара, оглядываясь в поисках стула.

Комната была заполнена людьми, слышалась английская и французская речь. В конце концов Клара села на пол и поставила полную тарелку на кофейный столик. К ней подошел Питер:

– Вы о чем говорите?

– О волосах, – ответила Мирна.

– Спасайся, – сказал Оливье, обращаясь к Питеру. – Для нас уже поздно, но у тебя еще есть шанс уйти. Насколько я понимаю, на другом диване идет разговор о простате.

– Садись. – Клара потащила Питера вниз за пояс. – Те де-

вицы думают, что у них проблемы с волосами.

– Но дождутся менопаузы, – подтвердила Мирна.

– О простате? – спросил Питер у Оливье.

– И о хоккее, – вздохнул тот.

– Эй, ребята, вы слушаете?

– Так тяжело быть женщиной, – пожаловался Габри. – То у нас начинаются менструации, потом вы, животные, лишаете нас невинности, потом разлетаются дети, и мы уже не знаем, кто мы...

– Отдаем лучшие годы жизни этим неблагодарным ублюдкам и эгоистичным детям, – кивнул Оливье.

– А потом, только мы запишемся на курсы гончарного искусства или тайской кухни, – трррах!

– Или нет, – сказал Питер, улыбаясь Кларе.

– Осторожнее, мальчик. – Она ткнула в его сторону вилкой.

– Менопауза, – проговорил Оливье певучим голосом диктора Си-би-си.

– Я никогда не просил у мужчины о паузе, – заметил Габри.

– Первый седой волос – вот что такое плохой день для волос, – сказала Мирна, не обращая внимания на мужчин.

– Как насчет того дня, когда ты впервые замечаешь, что у тебя на подбородке растут волосы? – спросила Рут. – Вот плохой день для волос.

– Боже, как это справедливо, – рассмеялась Матушка,

присоединяясь к ним. — Такие длинные, жесткие, как прово-
лока.

— Не забудь про усы, — подхватила Кей, опускаясь на ме-
сто, предложенное ей Мирной, а Габри встал, уступая ме-
сто Матушке. — Мы заключили торжественное соглашение. —
Кей кивнула на Матушку и посмотрела на Эм, разговаривав-
шую с соседями. — Если кто-то из нас оказывается в больни-
це без сознания, остальные позаботятся, чтобы их вытащи-
ли.

— Затычки? — спросила Рут.

— Волосы из подбородка, — ответила Кей, с тревогой по-
смотрев на Рут. — Тебя в списке посетителей не будет. Ма-
тушка, возьми это на заметку.

— Я взяла это на заметку много лет назад.

Клара отнесла пустую тарелку к столу и вернулась через
несколько минут с бисквитом, шоколадными пирожными и
лакричным ассорти.

— Украла у детей, — сообщила она Мирне. — Лучше пото-
ропись, пока еще что-то осталось. А то они такие умники.

— Я возьму у тебя. — Мирна и в самом деле протянула ру-
ку, но вынуждена была ее убрать, увидев угрожающе зане-
сенную над ней вилку. — Наркоманы, вы смешны, — сказала
Мирна, глядя на полупустую вазу с виски у Рут.

— Вот тут ты ошибаешься, — возразила Рут, проследив на-
правление ее взгляда. — Прежде это был мой любимый нар-
котик. До двадцати моим наркотиком было желание быть

принятой, после двадцати – желание получить одобрение, после тридцати – любовь, а после сорока – виски. Последнее немного затянулось, – признала она. – А теперь меня по-настоящему заботит одно – была бы хорошая перистальтика.

– А у меня наркотическая зависимость от медитации, – сказала Матушка, поглощая третью порцию бисквита.

– У меня идея, – обратилась Кей к Рут. – Ты могла бы посетить Матушку в ее центре. Она может вымедитировать любое дерьмо из кого угодно.

После этого сообщения наступило молчание. Клара искала хоть что-нибудь, чтобы прогнать этот навязчивый, отвратительный образ, и была благодарна Габри, когда он взял книгу из пачки под кофейным столиком и помахал ею.

– Кстати, если уж речь зашла о дерьме. Это книга Си-Си? Вероятно, Эм купила ее во время твоей презентации, Рут.

– Она, наверное, продала не меньше, чем я. Вы все предатели, – обвинила их Рут.

– Нет, вы послушайте.

Габри открыл «Клеймите беспокойство», и Клара заметила, что Матушка заерзала, словно собираясь подняться, но Кей вцепилась ей в руку и удержала на месте.

– «А потому, – начал читать Габри, – само собой разумеется, что цвета, как и эмоции, вредоносны. Тот факт, что негативные эмоции имеют свою окраску, не случаен: красный для гнева, зеленый для зависти, голубой для депрессии. Но если сложить все цвета, то что мы получим? Белый. Бе-

лый – это цвет божественности, уравновешенности. Цель состоит в достижении уравновешенности. А чтобы достигнуть ее, мы должны удерживать эмоции внутри, предпочтительно под белым слоем. Вот о чем говорит ли-бьен, это достойное древнее учение. Из этой книги вы узнаете, как скрывать свои истинные чувства, как сохранить их в безопасности в этом недобром и субъективном мире. Ли-бьен – это древнее китайское искусство рисования изнутри. Удержания в себе цветов и эмоций. Это единственный способ достижения мира, гармонии и спокойствия. Если мы все станем хранить наши эмоции в себе, не будет борьбы, вреда, насилия, войн. В этой книге я предлагаю мир вам и всей планете». – Габри захлопнул книгу. – Что-то я сегодня не заметил, чтобы ли-бьен в ней победил инь-ян.

Питер рассмеялся вместе с остальными, но при этом постарался ни с кем не встречаться взглядом. В глубине души, под собственным слоем белой кожи Питер был согласен с Си-Си. Эмоции опасны. Эмоции лучше прятать под спокойной и мирной маской.

– Бессмыслица какая-то, – сказала Клара, перелистав несколько страниц и застряв на одном из абзацев.

– А предыдущее не было бессмыслицей? – спросила Мирна.

– Там другое дело, но здесь она пишет, что восприняла эту жизненную философию в Индии. А разве перед этим она не говорила, что ли-бьен – китайская философия?

– Ты что, и в самом деле ищешь там какой-то смысл? – спросила Мирна.

Клара снова погрузилась в книгу. Через несколько секунд ее плечи начали подрагивать, потом к ним присоединилась и спина. Наконец она подняла лицо и посмотрела на озабоченных друзей.

– Что такое? – спросила Мирна у плачущей Клары.

– Имена ее гуру, – проговорила та между рыданиями.

Внезапно Мирна засомневалась, плачет ее подруга или смеется.

– Кришнамурти Дас, Рави Шанкар Дас, Ганди Дас. Рамен Дас. Калиль Дас. Джибран Дас. Они даже ее называют Си-Си Дас.

Клара зашлась от смеха, как и большинство остальных.

Большинство. Но не все.

– Я не вижу в этом ничего плохого, – сказал Оливье, вытирая глаза. – Мы с Габри выбрали путь «Хаген Дас»³⁰. И ничего. Хотя и не без трудностей.

– А один из твоих любимых фильмов – «Das Boot»³¹, – напомнила Клара Питеру. – Так что ты, вероятно, просветленный.

– Верно. Хотя тут «Дас» стоит спереди.

Клара, расхохотавшись, оперлась плечом о Питера, и в это время прибежал Анри и запрыгнул на них обоих. Перестав

³⁰ Название марки мороженого.

³¹ «Подводная лодка» (нем.).

смеяться и успокоив Анри, Клара, к своему удивлению, увидела, что Матушка ушла.

– С ней все в порядке? – спросила Клара у Кей, которая провожала взглядом подружку – та направлялась в столовую и к Эм. – Может, мы что-то не то брякнули?

– Нет-нет.

– Мы не хотели ее обидеть, – сказала Клара, садясь рядом с Кейт на место, освобожденное Матушкой.

– Вы ее не обидели. Вы о ней даже и не говорили.

– Мы смеялись над вещами, к которым она относится серьезно.

– Вы смеялись над Си-Си, а не над Матушкой. Она знает разницу.

Но Клара задумалась. И Си-Си, и Матушка нарекли свои бизнесы «Клеймите беспокойство». Они обе жили в Трех Соснах. И обе исповедовали похожие духовные практики. Не скрывают ли две эти женщины нечто большее, чем эмоции?

Выкрики «Счастливого Рождества» и «Joyeux Noël» затихли в веселой ночи – вечеринка закончилась. Эмили помахала последним гостям и закрыла дверь.

Была половина третьего ночи, и Эмили совсем выбилась из сил. Она медленно прошла в гостиную, опираясь рукой о стол. Клара, Мирна и остальные навели в доме порядок, тихо вымыли посуду, пока она сидела на диване с маленьким стаканчиком виски и разговаривала с Рут.

Рут ей всегда нравилась. Все были изумлены ее первой книгой стихов, изумлены тем, что такая хрупкая и язвительная женщина может творить такую красоту. Но Эм знала. Давно знала. Она среди прочего и этим поделилась с Кларой. Клара видела то, что было недоступно другим, и по этой причине Эм прониклась к Кларе симпатией с самого первого дня ее появления в деревне. Тогда Клара была молодая и самоуверенная, нетерпимая и талантливая. Клара была похожа на того мальчонку из «Шестого чувства»³², только видела она не призраков, а доброту. Что само по себе было несколько пугающим. Ведь видеть зло в других людях так утешительно, это дает нам множество предлогов и извинений, чтобы вести себя не лучшим образом. Но доброта? Нет, способностью видеть доброту в других наделены только выдающиеся люди.

Впрочем, Эм было известно, что во многих людях, сколько ни ищи, доброты не найдешь.

Она подошла к проигрывателю, выдвинула ящик стола, осторожно извлекла оттуда одну шерстяную варежку. Под ней лежала пластинка. Она поставила пластинку и протянула руку к кнопке «пуск» – палец ее был изогнут и чуть подрагивал, словно в пародии на Микеланджело «Сотворение мира». Потом она вернулась к дивану, осторожно держа варежку, словно в ней все еще оставалась рука.

³² «Шестое чувство» – американский мистический фильм 1999 года с Брюсом Уиллисом в главной роли.

В спальнях почивали Матушка и Кей. Уже долгие годы три подружки собирались в канун Рождества и праздновали этот день на свой собственный тихий манер. Эм подозревала, что это ее последнее Рождество. Она подозревала, что и для Кей это Рождество будет последним. А может, и для Матушки. Два тридцать.

Заиграла музыка, и Эмили Лонгпре закрыла глаза.

В одной из спален Матушка слышала первые ноты Концерта для скрипки с оркестром ре мажор Чайковского. Матушка слышала этот концерт только в канун Рождества, хотя когда-то это была ее любимая музыка. Когда-то этот концерт был для них особенным. Для Эм в первую очередь, но это было естественно. Теперь они слушали эту музыку только раз в году – ночью в канун Рождества. Сердце Матушки разрывалось, когда она представляла себе свою подругу в одиночестве гостиней. Но она очень любила и уважала Эм, а потому не могла лишать ее этого времени наедине с ее скорбью и ее сыном.

К тому же в эту ночь у Матушки была своя скорбь, которая и составляла ей компанию. Она снова и снова повторяла: «Клеймите беспокойство, клеймите беспокойство». Но эта мантра, утешавшая ее много лет, вдруг утратила смысл, ее сила была украдена этой ужасной, извращенной пародией на женщину. Черт бы побрал эту Си-Си де Пуатье!

Кей ворочалась в постели. Даже повернуться на другой бок было невыносимо мучительно. Ее тело отказывало. Испускало дух – вот как это называлось. Правда, на самом деле происходило противоположное. В духа, в призрака превращалась она сама. Кей открыла глаза и позволила им приспособиться к темноте. Издалека до нее доносились звуки концерта Чайковского. Музыка словно входила в ее мозг не через уши, которые с каждым годом слышали все хуже, а через грудь и прямо в сердце, терзаемое нотами. Это было почти невыносимо. Кей сделала глубокий хрипловатый вздох и чуть не крикнула Эмили, чтобы та выключила музыку. Выключила эту божественную музыку. Но она промолчала. Кей слишком любила подругу и не могла лишиться ее этих минут с Дэвидом.

Музыка навела ее на мысль о другом ребенке – о Кри. Что это за имя такое? Кей знала, что имена имеют значение. Девочка сегодня так пела – настоящий ангел, и на несколько минут их осенило нечто божественное, они стали человечнее. Но ее мать несколькими точно подобранными словами изуродовала те блаженные минуты. Си-Си была настоящим алхимиком, наделенным невероятным даром – превращать золото в свинец.

Что такого услышала мать Кри, что спровоцировало у нее подобную реакцию? Нет, она, вероятно, слышала не тот голос, что слышали остальные. А может быть, тот, и проблема в этом как раз и состояла. Может быть, она слышала и дру-

гие голоса.

Она была не первой.

Кей попыталась прогнать эту мысль, но та все возвращалась. Потом появилась еще одна мысль, еще один голос, певучий, с ирландским акцентом, мужественный и добрый:

«Ты должна была помочь этому ребенку. Почему ты ничего не сделала?»

Всегда один и тот же вопрос. И один и тот же ответ. Она боялась. Боялась всю жизнь.

Вот он – тот мрак, он наступил,
тот мрак, которого так долго ты ждала.
Но нового, в конечном счете, в этом нет.

Ей вдруг вспомнились строки из стихотворения Рут Зардо. Сегодня у мрака появилось имя, лицо и розовое платье.

Мрак был не Си-Си, мраком было обвинение в лице Кри.

Кей сжала кулаки под шерстяным одеялом и уперла их в подбородок, чтобы было теплее. Она мерзла вот уже много лет. Ее взгляд поймал красные цифры электронных часов. Три часа. Она снова была в своем окопе. Холодная и дрожащая. Сегодня у нее была возможность искупить все прежние минуты трусости в ее жизни. И для этого нужно было всего-то защитить ребенка.

Кей знала, что вскоре получит знак. И вскоре ей придется выбраться из окопа и встретить то, что грядет. Но она не была готова. Пока еще. Пожалуйста.

Черт бы подрал эту женщину.

Эм слушала звуки скрипки, заполнявшие знакомое пространство. Они играли вокруг елки, среди подарков, смеялись у замерзшего окна, выходящего на ярко освещенные сосны в конце луга. Концерт заполнил комнату, и на одно благодатное мгновение она закрыла глаза и представила себе, что это играет не Иегуди³³, а кто-то другой.

Каждый Канун Рождества был похож на предыдущие. Но нынешний оказался хуже остальных. Она слишком многое видела. Слишком многое слышала.

Она знала, что должна сделать.

Рассвет в день Рождества был яркий и прозрачный, снежок предыдущего дня осел на ветвях, и весь мир с восходом солнца заискрился. Клара открыла дверь из прихожей на улицу, чтобы выпустить Люси – золотистого ретривера – и вдохнуть свежего воздуха.

День начинался неторопливо. Питер и Клара вытащили из своих носков пазлы, журналы, конфеты, апельсины. Орешки кэшью быстро исчезли из носка Питера, да и мармеладные мишки в Кларином носке тоже не задержались. За кофе с блинами они открыли подарки покрупнее. Питеру понравились часы от Армани, он немедленно надел их и засучил рукав махрового халата по локоть, чтобы было виднее.

Он принялся театрально шарить под елкой, делая вид, что куда-то засунул подарок для Клары, и наконец разогнулся,

³³ *Иегуди* – Иегуди Менухин (1916–1999), американский скрипач и дирижер.

покраснев от прилива крови, и протянул ей шар, завернутый в подарочную бумагу.

— Прежде чем ты развернешь, хочу тебе кое-что сказать. — Он покраснел еще сильнее. — Я знаю, как тебя уязвила эта история с Фортенем и Си-Си. — Он поднял руку, пресекая ее возражения. — Про Бога я тоже знаю. — Говоря это, он чувствовал себя невероятно глупо. — Я что хочу сказать: ты рассказала мне, что видела Бога на улице, хотя и знала, что я в это не поверю. Я хочу, чтобы ты знала: я ценю твое доверие, ведь ты знала, что я не буду смеяться.

— Но ты смеялся.

— Ну, совсем немного. Как бы там ни было, но я хотел сказать, что думал об этом, и ты права, я не верю, что Бог — бродяга...

— А кто, по-твоему, Бог?

Ну вот, он хотел вручить ей подарок, а она задает ему вопросы про Бога.

— Ты знаешь, во что я верю. Я верю в людей.

Клара промолчала. Она знала, что он не верит в Бога, и не возражала против этого. Он вовсе не обязан во что-то верить. Но еще она знала, что и в людей он по-настоящему не верит. По крайней мере, не верит, что они хорошие, добрые и умные. Может быть, когда-то он и верил, но после того, что случилось с Джейн, перестал.

Джейн убили, и что-то умерло в Питере.

Сколько бы она ни восхищалась своим мужем, она вынуж-

дена была признать, что верит он только в себя.

– Нет, ты ошибаешься, – сказал он, садясь рядом с ней на диван. – Я понимаю, что у тебя на уме. Я верю в тебя.

Клара взглянула ему в лицо – серьезное, красивое лицо Морроу – и поцеловала его.

– Си-Си и Фортен – идиоты. Ты знаешь, я не понимаю твоей работы и, возможно, никогда не пойму, но я знаю, ты выдающийся художник. Я чувствую это здесь.

Он приложил руку к груди, и Клара поверила ему. Может быть, она достучалась до него. А может, он стал лучше понимать, что она хочет услышать. И то и другое ее устраивало.

– Разверни свой подарок.

Клара сорвала бумагу, отчего Питер поморщился. Клочки упали на пол, он поднял их и разгладил.

Внутри обнаружился шар. Без всяких сюрпризов. Сюрприз состоял в том, что шар был прекрасен. Казалось, он сиял в ее руках. На нем была очень простая картинка. Три сосны, покрытые снегом. А ниже – одно слово: «Noël». Картинка была простая, но отнюдь не примитивная и не наивная. Ничего подобного Клара в жизни не видела. Легкое изящество стиля. Уверенная красота.

Клара поднесла его к свету. Откуда такое свечение у раскрашенного шара? Она присмотрелась и улыбнулась. Посмотрела на Питера, и он склонил свое взволнованное лицо к ее лицу.

– Снаружи нет краски. Одно стекло. Краска внутри. Ты

только подумай.

– Тебе нравится? – тихо спросил он.

– Очень. Как и ты. Я тебя люблю, Питер, спасибо. – Она обняла его, не выпуская шара из рук. – Это, вероятно, какое-то рождественское украшение. Ты думаешь, здесь нарисованы Три Сосны? Нет, я вижу, что здесь три сосны, но они так похожи на наши три сосны, что растут на деревенском лугу. Впрочем, любые три сосны, стоящие рядом, будут похожи на другие такие же. Я в восторге. Лучшего подарка я в жизни не получала. И даже не буду спрашивать, где ты его нашел.

Он был благодарен ей за это.

К полудню каштановая начинка уже была в индейке, а индейка – в духовке, и дом наполнился чудесными рождественскими запахами. Питер и Клара решили заглянуть в бистро. По пути им попадались обитатели деревни. Чтобы узнать большинство из них, нужно было какое-то время: почти все они щеголяли новыми вязаными шапочками, оказавшимися утром в их носках. А старые были так знакомы и хорошо пожеваны собаками и кошками. Всю зиму эти домашние любимцы проявляли повышенный интерес к помпону и в конечном счете превращали своих хозяев в свечки с торчащим наверху кусочком фитиля.

В бистро Клара увидела Мирну – та сидела у окна и попивала глинтвейн. Они стащили с себя куртки, которые упорно не хотели их отпускать, и положили шапки и варежки на

радиатор, чтобы были теплыми. В бистро прибывали краснолицые соседи и дети: кто-то после катания на лыжах, кто-то после прогулки в снегоступах, кто-то катался на санках с вершины холма к мельнице, кто-то гонял по замерзшему пруду на коньках. Некоторые направлялись на Мон-Сен-Рем и собирались провести полдня, съезжая на лыжах с горы.

– Кто это? – спросила Мирна, ткнув пальцем в человека, сидевшего в одиночестве за столиком.

– Месье «Молсон канадиан»³⁴. Всегда заказывает одно и то же пиво. Дает хорошие чаевые, – доложил Оливье, ставя на стол две чашки ирландского кофе для Клары и Питера и вазочку с лакричными конфетами. – Счастливого Рождества. – Он поцеловал их обоих, потом кивнул в сторону незнакомца. – Он появился два дня назад.

– Может, снимает тут у кого-нибудь, – сказала Мирна.

Чужаки в Трех Соснах были большой редкостью только потому, что деревню было трудно найти. Попадали в нее по большей части случайно.

Сол Петров отхлебнул пива, откусил от сэндвича с ростбифом, расплавленным сыром и салатом. Еще на его тарелке лежала уменьшающаяся горка чуть приправленной картошки фри.

Все было идеально.

Впервые за долгие годы Сол чувствовал себя по-человечески. Он не был готов к общению с этими дружески распо-

³⁴ Название пива.

ложенными людьми, но знал, что они не будут возражать, если он попросит разрешения присоединиться к ним. Некоторые уже улыбались ему, поднимали свои стаканы и одними губами произносили «Santé»³⁵ и «Joyeux Noël».

Они казались ему добрыми людьми.

Неудивительно, что Си-Си их ненавидела.

Сол обмакнул картофельную стружку в маленькое блюдечко с майонезом. Интересно, кто тут из них художник? Кто нарисовал это удивительное плавающее дерево? Он даже не знал, мужчина это или женщина.

Может, спросить у кого-нибудь? Три Сосны – совсем маленькая деревня, кто-нибудь наверняка ему скажет. Он бы хотел поздравить художника, поставить ему или ей стаканчик пива, поговорить об их общем искусстве и мастерстве. Поговорить о вещах, имеющих отношение к искусству, а не к темным местам, где он бывал с Си-Си. Но для начала он должен был закончить одно дело в Трех Соснах. А после этого он обязательно найдет художника.

– Извините.

Он поднял голову – над ним стояла огромная черная женщина.

– Меня зовут Мирна. Я владею книжным магазином здесь рядом. Хотела вам сказать, что завтра в Уильямсбурге будет общий ужин, а потом матч по кёрлингу. Мы все едем. Это благотворительное мероприятие – сбор денег для местной

³⁵ Ваше здоровье (*фр.*).

больницы. Хотела, чтобы вы знали: вам будут рады.

– Правда?

Он надеялся, что голос его прозвучал не так хрипло, как ему показалось. Чего он вдруг испугался? Уж конечно, не этой женщины. Может быть, он боялся ее доброты? Боялся, что она приняла его за кого-то другого? Кого-то интересно-го, талантливого и доброго.

– Завтрак в восемь в Легионе, а матч начинается в десять на озере Лак-Брюм. Надеюсь, вы сможете.

– Merci³⁶.

– De rien³⁷. Joyeux Noël, – сказала она на хорошем французском, хотя и не без акцента.

Сол расплатился за ланч, оставив чаевых еще больше обычного, вышел, сел в машину и поехал вверх по холму к дому Хадли – поездка не далекая.

Он расскажет об этом Си-Си. Идеально. Как раз то, что ему и требовалось.

А когда это закончится, закончится и его миссия, и тогда он, возможно, сядет за один стол с этими людьми.

³⁶ Спасибо (*фр.*).

³⁷ Не стоит благодарности (*фр.*).

Глава восьмая

– Нашла что-то?

Старший инспектор Арман Гамаш налил жене бокал «Перье», поцеловал ее в затылок и посмотрел на документ в ее руке. Был второй день Рождества, и они сидели в его кабинете в полицейском управлении Квебека. Гамаш был в серых брюках, рубашке и галстукe – на работу он всегда так одевался. А изящный кашемировый кардиган как бы намекал, что сегодня все-таки праздник. Хотя Гамашу было всего пятьдесят с небольшим, его старомодное обаяние, вежливость и манеры напоминали о прошлых временах. Он улыбнулся жене, его темно-карие глаза выхватили седую прядку в ее волосах. До него доносился слабый запах «Джой» от «Жана Пату» – туалетной воды, которую он дарил жене на каждое Рождество. Гамаш описал круг и сел напротив нее в кожаное кресло, встретившее его просиженными формами. Тело Гамаша свидетельствовало о его склонности хорошо поесть и о привычке скорее к долгим прогулкам, чем к контактным видам спорта.

Его жена Рейн-Мари сидела в другом кожаном кресле, на коленях у нее лежала огромная красно-белая салфетка, в одной руке она держала папку, в другой – сэндвич с индейкой. Откусив от сэндвича, она скинула очки с носа, и они повисли на шнурке.

– Думала, что нашла что-то, но нет. Мне показалось, что есть один вопрос, не заданный следователем, но потом я нашла этот вопрос чуть ниже.

– Кто это был?

– Дело Лабарре. Человек, которого скинули в метро на пути перед поездом.

– Я помню. – Гамаш налил себе воды. Между ними на полу высились аккуратные стопки с папками. – Я не знал, что дело не закрыто. Ты ничего не нашла?

– Извини, дорогой. В этом году у меня не получается.

– Иногда там и нет ничего.

Они взяли новые папки и возобновили чтение в дружном молчании. У них сложилась такая традиция: на второй день Рождества они брали сэндвичи с индейкой, фрукты и сыр и ехали в кабинет Гамаша в отделе по расследованию убийств, где целый день проводили за чтением материалов следствия.

Рейн-Мари взглянула на мужа: тот погрузился в чтение, пытаясь извлечь истину из этих материалов, разглядеть за этими сухими словами, фактами и цифрами человека. В каждой из этих папок обитал убийца.

Это были материалы по нераскрытым убийствам. Несколько лет назад старший инспектор Гамаш обратился к своему коллеге в городской полиции Монреаля и сделал ему это предложение за коньяком в клубе Сен-Дени.

«Баш на баш, Арман? – спросил Марк Бро. – И как это будет работать?»

«Я предлагаю второй день Рождества. В управлении Квебекской полиции все тихо-спокойно. Думаю, и в твоём офисе тоже».

Бро кивнул, с интересом глядя на Гамаша. Как и большинство его коллег, он относился к Гамашу с искренним уважением. Только глупцы недооценивали его. Но Бро знал, что в полиции немало глупцов. Глупцов, наделенных властью и вооруженных.

Дело Арно безусловно доказывало это. И чуть не уничтожило этого большого умного человека, сидящего перед ним. Бро не знал, известна ли Гамашу эта история во всех подробностях. Вероятно, неизвестна.

Арман Гамаш говорил низким, приятным голосом. Бро отметил, что его темные волосы начинают седеть на висках, на макушке появилась лысина, но никаких попыток зачесать ее Гамаш не предпринимал. У него были густые темные усы, аккуратно подстриженные и тоже седеющие. Заботы избороздили его лицо, но не только заботы – и смешливость тоже. Его темно-карие глаза задумчиво смотрели на Бро над полукруглыми очками.

Бро было любопытно, как он выживает. Мир городской полиции Монреаля был жесток, но Бро знал, что обстановка в управлении Квебекской полиции еще круче. Потому что ставки там были выше. И тем не менее Гамаш сделал карьеру – возглавил самый знаменитый отдел в Квебекской полиции.

Но это, конечно, был его потолок. Даже Гамаш знал это.

Однако в отличие от Марка Бро, который являл собой воплощенное честолюбие, Арман Гамаш, похоже, был удовлетворен, даже счастлив. Было время до дела Арно, когда Бро подозревал, что Гамаш простоват, что он поднялся не по уму высоко. Но теперь Бро так больше не считал. Теперь он знал, что кроется за этими добрыми глазами и спокойным лицом.

У него было очень странное ощущение тогда, будто Гамаш понимает все, что происходит и в его, Бро, голове, и в хитроумных умах чинов Квебекской полиции.

«Я предлагаю обмениваться материалами нераскрытых дел, провести несколько дней за их изучением. Посмотреть, не удастся ли что-нибудь найти».

Бро глотнул коньяк, откинулся на спинку стула и задумался. Мысль была неплохая. Но необычная. И вероятно, могла вызвать недовольство, если кто-нибудь узнает. Он улыбнулся Гамашу и снова подался вперед: «А с чего это ты? Разве тебе и без того не хватает работы за год? Или ты хочешь убежать от семьи на Рождество?»

«Ну, ты же знаешь, если бы я этого хотел, то переехал бы к себе в кабинет и жил там на кофе из автомата. Своей жизни у меня нет, и семья меня презирает».

«Это я про тебя знаю, Арман. Собственно говоря, я тебя презираю».

«А я тебя».

Они обменялись улыбками.

«Я бы хотел, чтобы кто-то сделал это для меня, Марк. Все

очень просто и основано на моем непроходимом эгоизме. Если бы меня убили, то мне хотелось бы думать, что дело не останется нераскрытым. Пусть кто-нибудь приложит дополнительные усилия. Разве я могу отказать в этом другим?»

Мысль была простая. И правильная.

Марк Бро пожал большую руку Гамаша: «Договорились, Арман».

«Договорились, Марк. И если что-нибудь случится с тобой, то дело не останется нераскрытым».

Это было сказано с чудесной простотой, и Бро удивился глубине смысла этих простых слов.

И вот уже несколько лет они встречались во второй день Рождества на парковке перед управлением Квебекской полиции и обменивались коробками. А потом Арман и Рейн-Мари открывали коробки и искали в них убийц.

– Вот что странно. – Рейн-Мари опустила папку и поймала взгляд мужа, который смотрел на нее. Она улыбнулась. – Этому делу всего несколько дней. Непонятно, почему оно попало в коробку.

– Рождественская суэта. Кто-то, вероятно, ошибся. Дайка мне его – положу в исходящие.

Он протянул руку, но она уже опустила глаза и продолжила чтение. Через секунду он опустил руку.

– Извини, Арман. Просто я знала эту женщину.

– Не может быть. – Гамаш положил свою папку и подошел к Рейн-Мари. – Откуда? Что это за дело?

– Нет, она никакая не знакомая. Ты, вероятно, тоже знал ее. Бродяжка, что вечно болталась у автобусной остановки в Берри. Ну, ты знаешь, такая всепогодная, вся замотанная в несколько слоев лохмотьев. Она там сколько лет провела.

Гамаш кивнул:

– И все же пока это не может считаться нераскрытым делом. Ты говоришь, ее всего пару дней как убили?

– Двадцать второго. И вот что странно: она была не на остановке в Берри. Она была на Де-ла-Монтань, у «Ожильви». А это в десяти – пятнадцати кварталах от ее обычного места.

Гамаш вернулся на свое место и сел в ожидании, глядя, как читает Рейн-Мари. Несколько седых прядок выбились из прически. Ей было немного за пятьдесят, и она стала еще привлекательнее, чем когда они поженились. Косметикой она почти не пользовалась – ее устраивало лицо, подаренное ей природой.

Гамаш мог весь день просидеть, наблюдая за ней. Он иногда заезжал за ней на работу – в Национальную библиотеку, специально приезжал пораньше, чтобы видеть, как она работает с историческими документами, делает выписки, сидит с серьезными глазами, наклонив голову.

Потом она поднимала взгляд, замечала его, и ее лицо озарялось улыбкой.

– Ее нашли задушенной. – Рейн-Мари опустила папку. – Тут сказано, что ее звали Эль. Фамилии нет. Невероятно.

Это оскорбительно. Не смогли узнать ее имя, а потому называли просто – Она³⁸.

– Узнать имя бывает нелегко, – сказал Гамаш.

– Поэтому, наверно, детсадовцев и не берут в детективы.

Он не мог не рассмеяться, услышав это.

– Да они даже и не попытались, Арман. Ты посмотри. – Рейн-Мари показала ему папку. – Тут и материалов-то никаких нет. Она была для них бродягой.

– Хочешь, чтобы я попробовал?

– А ты можешь? Хотя бы имя узнать.

Он нашел коробку с вещдоками по делу Эль, стоящую в ряд с другими вдоль стены его кабинета, надел перчатки, вытащил содержимое и разложил его на полу. Вскоре повсюду лежала грязная, полуистлевшая одежда, и кабинет наполнился запахом, который мог дать фору любому голубому сыру.

Старые газеты, помятые и грязные, лежали рядом с одеждой. Гамаш предполагал, что они понадобились бродяжке для утепления в суровую канадскую зиму. Он знал, что слова могут многое, но вот чтобы защищать от холода... Рейн-Мари присоединилась к нему, и они вместе принялись просматривать содержимое коробки.

– Похоже, она в буквальном смысле окружила себя словами, – сказала Рейн-Мари, увидев книгу. – Эти газеты для изоляции и даже книга.

Она открыла книгу наугад и принялась читать:

³⁸ По-французски «она» – elle.

Моя мать давно умерла и покойся в другом городе, но со мной так еще и не покончила.

– Позволь? – сказал Гамаш. Он взял книгу, посмотрел на обложку. – Я знаю автора. Встречался с ней. Это Рут Зардо. Он прочитал название: «У меня все ОТЛИЧНО».

– Это та женщина из маленькой деревеньки, что тебе так понравилась? Одна из твоих любимых поэтов?

Гамаш кивнул и открыл книгу на первой странице:

– У меня этой нет. Вероятно, новая. Не думаю, что Эль ее читала.

Он посмотрел на титульный лист и увидел надпись: «Ты воняешь. С любовью, Рут».

Гамаш подошел к телефону и набрал номер.

– Это книжный магазин «Ожильви»? Я бы хотел узнать... Хорошо, жду.

Он наклонил голову, посмотрел на Рейн-Мари и улыбнулся. Она надела резиновые перчатки и вытащила из коробки с вещдоками маленькую деревянную шкатулку, простую и видавшую виды. Рейн-Мари перевернула ее и обнаружила четыре буквы, приклеенные к низу.

– Что ты об этом думаешь? – спросила она, показывая шкатулку Арману.

КЛМ Б.

– Она открывается?

Рейн-Мари осторожно приподняла крышку и заглянула внутрь. На ее лице появилось еще более озадаченное выражение.

Шкатулка была набита буквами алфавита.

– А попробуй-ка... Да, слушаю? – Он поднял брови, извиняясь. – Я хотел у вас узнать о последней книге Рут Зардо. Да-да. Много народа? Понимаю. Хорошо, merci.

Он повесил трубку. Рейн-Мари вывалила содержимое коробки на стол и стала раскладывать буквы ровными стопками.

Пять букв. Б, С, М, Л и К.

– Те же буквы, что и на донышке, кроме С, – сказала она. – Почему эти буквы и почему прописные?

– По-твоему, важно, что буквы там прописные?

– Не знаю. Но, судя по тем документам, с которыми я имею дело по службе, прописные буквы – это первые буквы слов.

– Например, КККП³⁹.

– Полицейский – всегда полицейский. Например, «У меня все ОТЛИЧНО». – Она показала на книгу Рут, лежавшую теперь на столе Гамаша. – Я думаю, тут смысл совсем другой. Что тебе сказали в магазине?

– Рут Зардо презентовала свою книгу несколько дней назад в магазине «Ожильви». Двадцать второго декабря.

– В день смерти Эль, – заметила Рейн-Мари.

³⁹ Королевская канадская конная полиция.

Гамаш кивнул. С какой стати Рут стала бы дарить экземпляр своей книги бродяжке и подписывать ее «С любовью, Рут»? Он достаточно хорошо знал эту старуху – словом «любовь» она не очень разбрасывалась. Он снова взялся было за телефонную трубку, но телефон зазвонил, едва он прикоснулся к нему.

– Oui, allô. Гамаш слушает.

С того конца провода не донеслось ни звука.

– Oui, bonjour? – попытался Гамаш еще раз.

– Старший инспектор Гамаш? – раздался голос. – Не думал, что вы ответите по своему телефону.

– Я человек вездесущий. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Чем могу вам помочь?

– Меня зовут Робер Лемье. Я дежурю в полицейском отделении Кауансвилла в Восточных кантонах.

– Я помню. Мы встречались на расследовании убийства Джейн Нил.

– Да, сэр.

– Что я могу для тебя сделать, сынок?

– У нас убийство.

Получив информацию, Гамаш повесил трубку и посмотрел на жену. Она сидела собранная и спокойная.

– У тебя есть кальсоны? – спросила она.

– Да, мадам.

Он открыл верхний ящик, в котором оказался сверток синего шелка.

– Я думала, что полицейские обычно держат там оружие, – сказала Рейн-Мари.

– Я нахожу, что кальсоны дают мне достаточную защиту.

– Рада за тебя. – Она обняла его. – Я тебя оставляю, дорогой. У тебя работа.

Она оглянулась от двери – он уже звонил по телефону, стоя спиной к ней и глядя в окно на монреальское небо. Она увидела, как он совершает такие знакомые ей движения, обратила внимание, как чуть завиваются волосы на его шее, скользнула взглядом по его сильной руке, прижимающей телефонную трубку к уху.

Через двадцать минут Гамаш ехал к месту преступления, за рулем сидел его заместитель инспектор Жан Ги Бовуар. Они проехали по мосту Шамплена и оказались на шоссе – им предстояло полуторачасовое путешествие в самую глубинку Восточных кантонов.

Гамаш несколько минут смотрел в окно, потом снова открыл книгу и дочитал стихотворение, которое начала ему читать Рейн-Мари.

И когда нас смерть моя разделит,
и снова встретимся, прощенные и простившие,
не будет ли и тогда, как прежде, слишком поздно?

Глава девятая

– Ее звали Сесилия де Пуатье, – ответил агент Лемье на первый вопрос Гамаша. – Но все называли ее Си-Си. Вот здесь это и случилось, сэр.

Лемье старался говорить не слишком взволнованным, но в то же время не слишком равнодушным голосом. Он распрямил плечи и придал себе вид человека, который знает, что делает.

– Здесь? – спросил Гамаш, показывая на снег.

– Да, сэр.

– Откуда вы знаете? – спросил Жан Ги Бовуар. – Тут снег всюду одинаковый.

И в самом деле, следы ног на снегу были повсюду. Словно по месту убийства прошел парад Санта-Клауса. Бовуар натянул пониже свою черную лыжную шапочку и опустил на уши. Ничего лучше в магазинах ему найти не удалось, а хотелось, чтобы было красиво и тепло. Жан Ги Бовуар находился в постоянных борениях с самим собой: он хотел носить такую одежду, которая подчеркивала бы достоинства его стройной, спортивной фигуры, но в то же время защищала бы его от холода. Во время квебекской зимы было практически невозможно выглядеть привлекательным и не мерзнуть. А Жан Ги Бовуар вовсе не хотел выглядеть уродом в парке и дурацком колпаке. Он посмотрел на Гамаша – тот

выглядел очень собранно. Неужели ему не бывает холодно? Или он просто умеет не показывать это? На шефе были серая шапочка, желтый кашемировый шарф и длинная зимняя парка из мягкого британского хаки. Судя по его виду, ему было тепло. И Бовуар поразился тому, насколько заманчиво теплыми могут выглядеть при минус десяти пухлая куртка, перчатки с пальцами-сардельками и все остальные зимние причиндалы. Бовуар начал подозревать, что только он один и выглядит смешно. Но он отринул эту неприятную мысль, когда порыв ветра проник под его модную куртку «пилот» и добрался до самых его костей. Его охватила дрожь, и он принялся топтать ногами. Они стояли на замерзшем озере, обдуваемом всеми ветрами и холодном. До берега было ярдов сто, а другой берег тонкой лентой терялся вдалеке. Бовуар знал, что за неровной местностью слева лежит городок Уильямсбург, но сейчас инспектору казалось, что они за тысячу миль от цивилизации. Они определенно стояли в месте, где произошло что-то в высшей степени нецивилизованное.

Здесь был убит человек.

Как это ни прискорбно, но в то время никто этого не знал.

– Расскажи, что тебе известно, – попросил Гамаш, обращаясь к Лемье.

Это был один из любимых моментов у Бовуара. Подход к очередной тайне. Но Гамаш знал, что корни этой тайны, как и в случаях со всеми другими убийствами, уходят в далекое прошлое. Это не было ни началом, ни концом.

Гамаш прошел несколько шагов по замерзшему заснеженному озеру, раскалывая ботинками хрупкую корочку наста. Он почувствовал знакомое покалывание на щиколотках – в ботинки набился снег.

– Судя по тому, что говорят свидетели, убитая просто рухнула, – начал Лемье, глядя на старшего инспектора и пытаюсь понять, удовлетворяет ли его этот ответ. Вид у Гамаша был недовольный, и Лемье внутренне сжался. Неужели он уже успел сделать что-то не так? – Они попытались вернуть ее к жизни, думали, это инфаркт, потом уложили в машину и повезли в больницу.

– И затоптали тут все, – проворчал Бовуар, словно Лемье был виноват в этом.

– Да, сэр. Я думаю, они сделали все, что было в их силах. Лемье ждал нового упрека, но такового не последовало. Бовуар раздраженно фыркнул, а Гамаш сказал:

– Продолжай.

– Врач скорой помощи, доктор Ламбер, позвонил в полицию через полчаса. Сегодня, около половины двенадцатого. Он сообщил, что это случай подозрительной смерти, что он позвонил коронеру и что, судя по всему, смерть наступила от поражения электрическим током. Как я сказал, по его официальному заявлению, это случай подозрительной смерти – так полагается по их правилам, пока факт не будет установлен полицией, но, когда мы приехали, у него уже не осталось сомнений. Она была убита.

– Пожалуйста, агент, называйте ее по имени, – сказал Гамаш без малейшей укоризны. – Мы должны воспринимать мадам де Пуатье как личность.

– Да, сэр. Она, мадам де Пуатье, была убита электричеством на этом самом месте.

Именно это Лемье и сказал ему по телефону, и даже в кабинете это показалось Гамашу странным, но теперь, когда он стоял на месте преступления, все это представлялось ему совсем уж необыкновенным.

Как можно получить удар током посреди замерзшего озера? Прежде можно было убить кого-то в ванне, но сегодня большинство электрических приборов имеют автоматические выключатели. Брось тостер в ванну с водой, где отмокает твоя супруга, и ты получишь сгоревший предохранитель и негодующую любовницу.

Нет, убить кого-нибудь током теперь положительно невозможно, если только ты не губернатор Техаса⁴⁰. Но чтобы сделать это на замерзшем озере среди десятков свидетелей – нет, это сумасшествие.

Но кому-то хватило безумия попытаться.

Кому-то хватило ловкости преуспеть в этом.

Каким образом? Гамаш медленно повернулся, но никаких зацепок не заметил. Ни старых телевизоров, ни дымящихся тостеров на льду не было. Но он увидел на снегу три алюми-

⁴⁰ Намек на то, что законодательством штата Техас разрешена смертная казнь на электрическом стуле.

ниевых садовых стула. Один из них был опрокинут. За стульями находилось что-то вроде громадного хромированного гриба высотой в пятнадцать футов. Футах в двадцати влево стояла трибуна для болельщиков.

Все было обращено к расчищенной ледяной площадке длиной футов в двадцать перед трибуной. Гамаш направился туда, стараясь идти там, где снег лежал не самый глубокий, и увидел, что эта площадка представляет собой длинный узкий прямоугольник с разбросанными по нему большими круглыми камнями.

Кёрлинг.

Гамаш никогда не занимался этим видом спорта, но он как-то смотрел «Брайер» по телевизору и, увидев снаряж кёрлинга, вполне мог его узнать. У игровой площадки был какой-то жутковатый вид, как и у всех брошенных мест. Гамаш почти слышал, как снаряды катятся по льду и как игроки окликают друг друга. Всего несколько часов назад здесь было множество веселящихся людей. Кроме одного. Одному из них было так тошно, так невыносимо, так не по себе, что он пошел на убийство. Гамаш попытался представить, что сделал этот человек. Где он сидел? С другими людьми на трибуне или отделился от остальных в преддверии действия, которое сделает его навсегда непохожим на других? Был ли он возбужден или испуган до смерти? Спланировал ли он убийство до последней детали или его внезапно обуяла злость, такая нестерпимая, что он вынужден был действо-

вать? Гамаш стоял почти недвижимо и внимательно прислушивался – не донесется ли до него голос убийцы, не выделится ли из призрачного смеха детей и голосов игроков.

Но нет, не получилось. Пока.

А может быть, никаких голосов и не было, только ветер, который завывал над поверхностью озера, подхватывал снег, образовывал мерзлую рябь.

Криминалистическая бригада огораживала место преступления желтой полицейской лентой, фотографировала каждый дюйм площади, подбирала все, что могло служить вещественным доказательством. Замеры, сбор улик и отпечатков пальцев при минус десяти по Цельсию – дело нелегкое. Гамаш видел, что они торопятся. Была почти половина четвертого – после убийства прошло три часа, и стихия брала свое. Работать на любом месте преступления под открытым небом было нелегко, но что уж говорить, если преступление совершено на замерзшем озере посреди канадской зимы.

– Как можно убить здесь человека электрическим током? – нетерпеливо спросил Бовуар. – Что говорят свидетели?

– Матч по кёрлингу начался около десяти, – сказал Лемье, заглянув в свой блокнот. – Может быть, в десять тридцать, когда все собрались. Почти все были на трибуне, но убитая и еще одна женщина сидели на этих стульях.

– Убитая сидела на том, который перевернут? – спросил

Бовуар.

– Не знаю.

Признаться в этом для Лемье было как нож острый. Но как ни странно, именно в этот момент Гамаш впервые посмотрел на него с чем-то большим, чем вежливый интерес.

– О том, что что-то случилось, люди узнали, когда закричала та, вторая женщина, сидевшая рядом. Поначалу ее никто не слышал из-за шума на площадке.

– Там что, кёрлингисты подрались? – недоуменно спросил Бовуар.

Единственная драка, какую он мог себе вообразить на матче по кёрлингу, – это давка на выходе.

– Я предполагаю, кому-то удался хороший бросок, – сказал Лемье.

– Тут лучше не предполагать, – тихо заметил Гамаш.

– Да, сэр.

Лемье опустил голову и постарался не выглядеть слишком расстроенным этими простыми критическими словами. Ему не хотелось казаться нетерпеливым школьником. Момент был деликатный. Важно было создать хорошее впечатление.

– Как только люди поняли, что случилось, они попытались вернуть мадам де Пуатье к жизни. Здесь было несколько добровольцев из пожарной команды.

– Включая и Рут Зардо? – спросил Гамаш.

– Откуда вы знаете?

– Познакомился с ней во время предыдущего расследования. Она все еще возглавляет добровольную пожарную команду в Трех Соснах?

– Да, сэр. Она была здесь с остальными. С Оливье Брюле, Габри Дюбо, Питером и Кларой Морроу.

Гамаш улыбался, слыша эти имена.

– Они сделали ей искусственное дыхание, потом уложили в машину и отвезли в Кауансвилл, где врач зафиксировал смерть.

– На каком основании доктор утверждает, что она была убита током? – спросил Бовуар.

– Ожоги. Руки и ноги у нее обожжены.

– И пока ей делали искусственное дыхание, никто не обратил на это внимания? – спросил Бовуар.

Лемье был достаточно опытен, чтобы не отвечать на этот вопрос. Несколько секунд спустя он продолжил:

– С мадам де Пуатье были муж и дочь. Они поехали с ней в больницу. Я записал их имена и адрес.

– Сколько людей видели случившееся? – спросил Гамаш.

– Около тридцати человек. Может, больше. Это ежегодная игра. А перед этим у них состоялся общий завтрак в Легионе.

Вокруг них теперь работали криминалисты, время от времени они подходили к Гамашу с вопросом или сообщением. Бовуар отправился наблюдать за сбором вещественных доказательств, а Гамаш стоял и смотрел, как работает его ко-

манда, потом медленно, размеренным шагом двинулся вокруг места преступления, сцепив за спиной руки в перчатках. Агент Лемье наблюдал за старшим инспектором – тот словно отправился в свой собственный мир.

– Идем со мной.

Старший инспектор остановился и повернулся так неожиданно, что поймал взгляд Лемье, который не сводил с него глаз. Молодой полицейский бросился вперед по снегу и через несколько секунд уже шел бок о бок с Гамашем, не зная, чего ему ждать дальше. Спустя минуту-другую он понял, что, возможно, от него ждут лишь одного – чтобы он за компанию шел рядом со старшим инспектором. И тогда Лемье тоже сцепил руки за спиной и принялся вместе с Гамашем ходить вокруг места преступления, и скоро они вдвоем протоптали кольцо, в центре которого, словно яблочко мишени, находилось малое колечко – место, где умерла Си-Си де Пуатье.

– Это что? – спросил наконец Гамаш, показывая на громадный гриб, возвышавшийся над местом преступления, как очень маленькое и замерзшее облако после взрыва атомной бомбы.

– Это нагревательный элемент, сэр. Что-то вроде фонарного столба, только рассеивает не свет, а тепло.

– Я видел такие в Квебек-Сити – их ставят на площадках с выносными столиками перед кафе, – сказал Гамаш, вспоминая стаканы белого вина на старинных каменных площадках

в Старом городе Квебека и нагревательные элементы, которые позволяли людям с комфортом обедать на улице вплоть до ранней осени. — Но они гораздо меньше.

— Большинство меньше. Но это промышленные обогреватели. Используются на стройках зимой и на спортивных соревнованиях. Я думаю, что этот позаимствовали у хоккейной команды в Уильямсбурге. У них большинство матчей проходит на открытом воздухе, и несколько лет назад они нашли спонсора, у которого попросили сделать для них трибуну и что-нибудь для обогрева зрителей.

— Ты местный?

— Да, сэр. Я вырос в Сен-Реми. Моя семья уехала, но я после окончания полицейского колледжа решил вернуться.

— Почему?

Почему? Этот вопрос удивил Лемье. Никто прежде не спрашивал у него. Может, это такая хитрая проверка со стороны Гамаша? Он посмотрел на крупного человека рядом с собой и подумал, что это никакая не проверка. Похоже, Гамаш был не из тех людей, которым нужны фокусы подобного рода. Но все же ответ лучше было дать дипломатический.

— Я хотел работать в Квебекской полиции и решил, что у меня здесь будет преимущество, потому что я знаю многих людей.

Гамаш несколько мгновений смотрел на него. Неловкий момент. Потом он отвернулся и уставился на обогреватель. Лемье немного успокоился.

– Мадам де Пуатье была убита током, источником которого, скорее всего, был этот обогреватель. Но она в момент смерти находилась довольно далеко от него. Возможно, у обогревателя было плохое соединение и мадам де Пуатье как-то задела его, а затем сумела сделать несколько шагов, прежде чем упасть мертвой? Что ты об этом думаешь?

– Мне позволительно высказать предположение?

Гамаш рассмеялся:

– Да, только не говори инспектору Бовуару.

– Люди здесь все время пользуются генераторами. Они есть у всех. Я думаю, что кто-нибудь мог замкнуть на нее концы.

– Ты хочешь сказать, воспользовался прикуривателем и ухватил ее двумя «крокодилами»? – Гамаш старался говорить без сомнения в голосе, но это было затруднительно. – Ты думаешь, она могла не заметить?

– Могла и не заметить, если следила за игрой.

Видимо, у молодого агента Лемье и старшего инспектора Гамаша было разное отношение к кёрлингу. Впрочем, Гамаш любил смотреть финальные матчи по национальному телевидению. В Канаде это считалось чуть ли не долгом. Но его это никогда не захватывало. И он наверняка заметил бы, если бы Рейн-Мари включила генератор и прикрепила два огромных крокодила к его ушам.

– Есть еще какие-нибудь идеи?

Лемье отрицательно покачал головой и изобразил напря-

женную работу мысли.

Жан Ги Бовуар оставил бригаду криминалистов и присоединился к Гамашу, который стоял возле обогревателя.

– Как эта штука питается, Жан Ги?

– Понятия не имею. Мы сняли с нее отпечатки и все сфотографировали, так что можете ее трогать, если хотите.

Двое полицейских обошли обогреватель, то наклоняя голову, то поднимая ее вверх, словно два монаха в очень коротком паломничестве.

– А вот и выключатель. – Гамаш нажал на кнопку, но, как они и ожидали, ничего не случилось.

– Еще одна загадка, – улыбнулся Бовуар.

– Неужели это никогда не кончится?

Гамаш посмотрел на агента Лемье, сидящего на трибуне. Лемье дул на замерзшие руки и делал записи в своем блокноте. Старший инспектор просил его привести записи в порядок.

– Что ты о нем думаешь?

– О Лемье? – спросил Бовуар, и у него упало сердце. – Он неплохой парень.

– Но?..

Откуда он узнал, что есть «но»? Не в первый раз Бовуар надеялся, что Гамаш не сможет прочесть его мысли. А среди них было много мусора. Его дедушка говорил когда-то: «Не ходи в свою голову в одиночестве, *mon petit*⁴¹. Это довольно

⁴¹ Малыш (*фр.*).

опасное местечко».

Бовуар запомнил этот урок и редко делал ревизию своим мыслям. И уж тем более чужим. Он предпочитал факты, улики, вещи, к которым можно прикоснуться, которые можно взять в руку. А что касается мыслей, то он оставлял их более смелым людям вроде Гамаша. Но теперь он невольно задал себе вопрос, уж не нашел ли шеф путь в его голову. Там можно было найти немало такого, что заставило бы Бовуара покраснеть. И не только немного порнографии. Пару фантазий касательно агента Изабель Лакост. Даже фантазию касательно агента Иветт Николь, этой чудовищной стажерки, появившейся у них около года назад. Эта фантазия включала расчлененку. Но если Гамаш и в самом деле мог проникнуть в мозг Бовуара, то по отношению к самому себе он не нашел бы там ничего, кроме уважения. А если бы копнул поглубже, то нашел бы то, что Бовуар пытался скрыть даже от себя самого. Там таились страхи Бовуара, зловонные и голодные. А где-то в самом низу, под страхом быть отвергнутым и страхом тесной близости, сидел страх когда-нибудь потерять Гамаша. А рядом с этим страхом в этом потайном месте обитало еще кое-что. Там Бовуар прятал свою любовь: свернутая в плотный маленький шарик, она лежала в самом отдаленном уголке его мозга.

– Я думаю, он слишком уж старается. Что-то с ним не так. Я ему не доверяю.

– Это потому, что он защищал местных жителей, которые

пытались помочь мадам де Пуатье?

– Нет, конечно, – солгал Бовуар. Он не выносил, когда ему противоречили. В особенности если это делал какой-то мальчишка. – Просто мне показалось, что ему это не по уму. Для агента Квебекской полиции это непростительно.

– Но у него нет навыков работы по убийствам. Он как врач общей практики, которому вдруг нужно сделать кому-то операцию. Теоретически он может ее сделать и, вероятно, больше готов к этому, чем кондуктор автобуса, но он этого не умеет. Не знаю, что бы получилось у меня, переведи меня вдруг на наркотики или внутреннюю безопасность. Подозреваю, что наделал бы ошибок. Нет, я думаю, что агент Лемье никаких особых ошибок пока не совершил.

«Ну вот, опять», – подумал Бовуар.

– Если он не совершил ошибок, это еще не значит, что он хорош, – возразил он. – Вы уж очень низко ставите планку, сэр. Это же отдел по расследованию убийств. Элитное подразделение Квебекской полиции.

Бовуар заметил, что Гамаш рассердился, – впрочем, как и всегда, когда он слышал эти слова. По какой-то причине, непостижимой для Бовуара, Гамаш противился этому очевидному факту, который признавало даже большое начальство. Сюда попадали лучшие из лучших. Самые умные, самые храбрые, люди, которые каждое утро целовали детей и покидали комфорт своих домов, чтобы уйти в мир на охоту за убийцами. Здесь не было места для слабых. А стаже-

ры уже по своей природе были слабаками. Слабость вела к ошибкам, а ошибки вели к катастрофам. Убийца мог уйти от возмездия и продолжить свои дела, его жертвой мог пасть даже агент полиции. Может быть, даже ты сам, а может быть... – дверь чуть приоткрылась, и из потайного места появился упырь, – может быть, даже Арман Гамаш. Когда-нибудь его желание помогать молодым агентам плохо для него кончится. Бовуар захлопнул дверь, но успел почувствовать, как в нем закипает гнев против этого человека.

– Мы уже столько раз это обсуждали, сэр, – произнес он жестким, злым голосом. – Мы – команда. Ваша команда. И мы всегда готовы исполнить ваш приказ. Но пожалуйста, перестаньте просить нас о таких вот вещах.

– Не могу, Жан Ги. Я нашел тебя в отделении Труа-Ривьер, ты не забыл?

Бовуар закатил глаза.

– Ты сидел среди камышей в корзинке.

– Среди травки, сэр. Сколько раз я вам говорил, это была травка. Конопля. Я сидел с этой коноплей, которую мы конфисковали. И это была не корзинка, а ведро. Из ресторана «Кентукки фрайд чикен». И я вовсе не в нем сидел.

– Ну вот, теперь я расстроен. Я ведь сказал суперинтенданту Бребёфу, что нашел тебя в корзинке. Боже мой! Но ты ведь помнишь? Ты был там погребен под кучей вещественных доказательств. А почему? Потому что ты так всех достал, что тебя навечно усадили в архив вещдоков.

Бовуар часто вспоминал тот день. Он никогда не забудет своего спасения. А спас его этот большой человек, стоявший сейчас перед ним, человек с аккуратно подстриженными седыми волосами и темно-кариими глазами, безукоризненно одетый.

– Ты скучал и злился. Я взял тебя, когда никто другой и видеть тебя не хотел.

Гамаш говорил тихим голосом, чтобы его никто, кроме Бовуара, не слышал. В его словах звучала нескрываемая симпатия к своему подчиненному. Бовуар вдруг вспомнил урок, который он неизменно спешил забыть. Гамаш был лучшим из них, самым умным, самым смелым и сильным, потому что отваживался путешествовать по своим мыслям в одиночестве, открывать там все двери и входить в любые тайные закутки. И заводить дружбу с тем, что там обнаруживалось. И еще он заходил в темные, потайные мысли других. В мысли убийц. И не боялся чудовищ, которые бросались на него от туда. Он отправлялся в места, о существовании которых Бовуар и не подозревал.

Поэтому Арман Гамаш и был их шефом. Его шефом. И поэтому Бовуар любил его. И поэтому Жан Ги Бовуар каждый день пытался защитить этого человека, хотя тот ясно давал понять, что он не нуждается ни в какой защите и не хочет ее. Напротив, он каждый день старался убедить Бовуара, что защита – это карикатура, пародия. Она только мешает ему увидеть действительные опасности, надвигающиеся на него.

Лучше их видеть и быть готовым. А не пытаться спрятаться за броней, которая все равно не защитит. Не защитит от того, на что они охотятся.

– Вот что я тебе скажу. – Гамаш широко улыбнулся, как бы ставя точку в их споре. – Если тебе не нужен агент Лемье, то его беру я. А тебе я его не навязываю.

– Отлично, берите, только не приходите плакать у меня на плече, когда выяснится, что он убийца.

Гамаш рассмеялся:

– Должен признать, что я сделал немало ошибок при выборе, особенно в последнее время. – Он имел в виду агента Николь, хотя никогда и не произнес бы ее имя. – Но в этом выборе мне не придется раскаиваться. И вообще, лучше рисковать, чем жить в страхе.

Гамаш потрепал Бовуара по руке с таким нескрываемым дружелюбием, что у инспектора перехватило дыхание. После этого шеф ушел, целеустремленно шагая по льду и кивая на ходу членам своей команды. Он направлялся к агенту Роберу Лемье с предложением праздника на сегодня. На всю неделю. С предложением карьеры.

Бовуар наблюдал за тем, как Гамаш тихо разговаривает с Лемье. Он увидел, как на лице молодого человека появилось удивленное выражение, и подумал: может, перед взором парня появились ангелы. Бовуар часто видел такое выражение на лицах тех, кто разговаривал с Гамашем. Но никогда, ни разу не видел он такого выражения на лицах тех, кто разго-

варивал с ним.

Бовуар изумленно покачал головой и вернулся к своим обязанностям.

Глава десятая

– Смотри-ка, кто идет, – услышала Клара из гостиной голос Питера.

Она закрыла книгу и поспешила к мужу, стоящему у раковины в кухне. Отведя в сторону занавеску, она увидела знакомую, полюбившуюся в деревне фигуру, идущую к их крыльцу. Рядом с ним шел кто-то еще. Незнакомый.

Клара поспешила в прихожую, переступив на бегу через Люси, которая не выказала ни малейшего желания защитить дом от посторонних. Единственным человеком, на кого она лаяла, была Рут. Да и то лишь потому, что Рут тоже лаяла на нее.

– Ну что, мерзнете? – спросила Клара, открывая дверь.

– Обещают снег, – ответил Гамаш.

Клара улыбнулась, услышав его голос. Она не видела его больше года – с убийства Джейн. Иногда она спрашивала себя, не вернется ли вместе с Гамашем прежняя боль. Не связан ли он навсегда в ее памяти с тем ужасным временем. Не только с потерей Джейн, но и с жуткими минутами, что она провела в подвале Хадли. Но вот теперь, увидев его, она не чувствовала ничего, кроме радости. И утешения. Она забыла это удовольствие – слышать идеальный английский с едва заметным британским акцентом из уст одного из старших офицеров Квебекской полиции. Она все собиралась спро-

силь, откуда у него такое произношение, но забывала.

Гамаш поцеловал Клару в обе щеки, дружески пожал руку Питеру.

– Позвольте представить: агент Лемье. Он откомандирован к нам из Кауансвиллского отделения Квебекской полиции.

– Enchanté⁴², – сказал Лемье.

– Un plaisir⁴³, – ответила Клара.

– Значит, это было убийство, – подытожил Питер, забирая у них куртки.

Он ездил в больницу вместе с Си-Си и задолго до прибытия туда знал, что она умерла. Он был на поле вместе с другими кёрлингистами, лицезрел великолепный последний удар Матушки. А когда посмотрел на трибуну, то увидел, что народ, который должен бы был смотреть на игроков, поднялся со своих мест и смотрит совсем в другую сторону. Питер бросил свою метелку и побежал в ту сторону.

И там лежала она, Си-Си де Пуатье, лежала без чувств на снегу. Все ее мышцы были напряжены, словно она противилась чему-то.

Они попытались вернуть ее в чувство, вызвали «скорую», но в конце концов решили, что быстрее будет доставить ее в больницу самим. И потому ее погрузили в открытый кузов пикапа Билли Уильямса и понеслись с зубодробитель-

⁴² Очень приятно (*фр.*).

⁴³ Рада познакомиться (*фр.*).

ной скоростью по ухабам усыпанной снегом дороги в Кауансвилл. Он, Оливье и Рут в открытом кузове, а Билли крутил баранку, несясь с сумасшедшей скоростью. Рядом с Билли в салоне сидели упитанный муж Си-Си и их дочь. Они сидели, уставившись перед собой, безмолвные и неподвижные, словно снеговики. Питер понимал, что это неблагородно, но ничего не мог с собой поделать: этот человек и пальцем не пошевелил, чтобы спасти свою жену, ею занимались чужие люди.

Оливье ритмически склонялся над Си-Си, делая ей массаж сердца. Рут щупала ей пульс. Питеру повезло меньше других. Он пытался вдохнуть воздух в ее мертвые легкие. Да, мертвые. Они все это знали, но все же продолжали пытаться привести ее в чувство, а Билли тем временем не пропускал ни одного ухаба и ямы между Уильямсбургом и Кауансвиллом. Питер стоял на коленях на металлическом полу кузова, подпрыгивая на каждом ухабе и ударяясь коленями, отчего они все больше и больше покрывались синяками. Но он продолжал делать то, что делал. Не ради Си-Си, а потому, что Оливье рядом с ним страдал не меньше его. Да и Рут твердо и нежно держала голову Си-Си, тоже стоя на коленях, и ее больные ноги так же ударялись о металлический пол. Но она ни разу не пожаловалась. Питер продолжал делать искусственное дыхание, прижимая свои теплые губы к губам Си-Си, которые становились все холоднее и жестче, и ему вспомнилось детство – тот случай, когда он трогал губа-

ми лыжную палку. Чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Палка была такой холодной и обжигающей, а губы от нее потом было не отодрать. Наконец ему все же это удалось, но тонкий слой кожи остался на металле. Губы у него кровоточили, и он быстро огляделся, не видел ли кто его глупости.

Искусственное дыхание, которое он делал Си-Си, вызывало стойкую ассоциацию с тем случаем. У него даже возникло предчувствие, что в какой-то момент его влажные губы прилипнут к ее и ему придется отрывать их с кровью, оставляя часть своей кожи на ее губах – кровавый поцелуй жизни.

Ничего отвратительнее ему не приходилось делать, тем более что он и при ее жизни находил эту женщину отвратительной. Смерть ее ничуть не улучшила.

– Это было убийство. Мадам де Пуатье умышленно убили электрическим током, – подтвердил Гамаш.

– Ты знал, что врачи подозревают убийство, – сказала Клара мужу.

– Я слышал, как доктор Ламбер говорил с полицейским. Постойте-ка. Кажется, это были вы, – обратился Питер к Лемье.

– Oui, monsieur. Я тоже вас узнал. Да и прежде мы встречались на всяких общественных мероприятиях.

– Это, безусловно, не исключено. Поражение электрическим током, – задумчиво проговорил Питер. – Ну да, там был такой запах. Барбекю.

– Знаешь, когда ты об этом упомянул, я тоже вспомнила, –

с отвращением сказала Клара. – Там такая суeta началась, что трудно что-либо вспомнить.

– А я именно об этом хотел вас попросить, – сказал Гамаш, показывая Лемье, чтобы тот начинал делать записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.